

Там моя мама живёт

авт. И.С. Черемных

2023 г.

Иван Сергеевич Черемных

Там моя мама живёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69728407

SelfPub; 2023

Аннотация

Куда движется мир? А Россия – с этим миром или вне его? Влияет ли гражданская позиция каждого на развитие нашего государства? Ответить на эти вопросы пытаются здравомыслящие и болеющие за Родину политики, экономисты, историки, общественные деятели. И не только они. Это сочинение-рассуждение обычного россиянина – путь познания сегодняшнего политического и экономического положения страны, нравственного состояния ее общества. Облекая мысли в текст, автор передает их дальше, своим читателям.

Иван Черемных

Там моя мама живёт

Мой дед был целинником, то есть поехал из Алтайского края, где работал механизатором, в Казахстан – осваивать целину. Я до сих пор помню зелёного цвета «Жигули», которые достались ему, видимо, за заслуги при освоении этой самой целины. Конечно же, некоторых моментов я могу не знать или не помнить, но одно ясно точно: вся его семья оказалось на юге Казахстана, потому что дед умел работать на земле.

Нельзя не упомянуть и другого моего деда, по отцовской линии. Семья его жила в Тюменской области, там очень распространена моя фамилия; они с бабушкой родом из Голышманово. Сказать, что бабушке было тяжело, – значит не сказать почти ничего. Дед был не дурак выпить и поиграть в карты. Она как-то поведала, что вынуждена была искать супруга в разных мужских компаниях, чтобы уговорить его отправиться домой. Он, естественно, и слышать ничего не хотел, так что ей приходилось самой сводить концы с концами. Поэтому при первой же возможности, когда её позвали, она подхватила своего единственного ребёнка и уехала со знакомыми на юг Казахстана одна, без мужа. Когда меня внезапно охватывает волна азарта, а затем другая волна – усидчивости и терпения, – я понимаю, что во мне борются два человека:

дед Аркадий и дед Виктор.

Нельзя также не сказать теплых слов о том месте, где я родился. Это очень древний город, с более чем двухтысячелетней историей. Поэт ласково называет его лоскутным одеялом, что находится в дорожной петле. Это интересное наблюдение можно отнести и к количеству разнообразных этнических и культурных особенностей людей, населяющих наш общий дом.

Английскому языку в школе нас учила дунганка Забира Шлязовна, русский язык и литературу вела Ольга Ивановна, помимо этого, мы все, независимо от национальности, учили казахский язык и историю Казахстана. Каждый день после первого урока мы вставали и пели гимн Казахстана, который я помню до сих пор и могу воспроизвести, даже если меня поднять среди ночи. Да что там говорить, сама школа до сих пор носит имя легендарного комдива Ивана Васильевича Панфилова, так что уровень патриотизма и потрясающая любовь к Родине показались бы удивительными для современного человека из интернета.

Класс у нас был настолько интернациональным, что в нём нельзя было собрать компашку даже из трёх человек одной и той же этнической принадлежности: корейцы, русские, татары, немцы, украинцы, казахи, киргизы, узбеки, дунгане, турки, уйгуры, белорусы и даже греки. Поэтому, конечно же, это очень напоминало красивый ковёр с орнаментами и узорами разного цвета. Мы все с огромной благодарностью вспоми-

наем эту теплую землю, эти виды на снежные пики киргизского Алатау. Беда свалилась не с гор, она пришла к нам из реликтового равнинного леса – Беловежской пуши. Нельзя сказать, что мы не были готовы к тому, что наше общее одеяло растащат на лоскуты, что наш прекрасный ковер разберут по ниткам. Но к такому быстрому развитию событий не был готов никто, даже те, кто вознамерился стать единоличным правителем.

Люди начали разъезжаться по всему свету, зачастую не продавая жильё или сбывая его по почти бросовой цене. Соседка по лестничной клетке отпустила в самостоятельное плавание свою дочь, которая уехала в Штаты, а через некоторое время позвала её за собой. В разговоре с ней стало ясно, что квартиру она очень скоро отдаст за пару сотен долларов, чтобы купить билет и улететь к дочери. Очень показательный диалог состоялся у меня с отцом моего друга; они жили в нашем подъезде на пятом этаже.

– Уезжаешь, Ваня?

– Да, дядя Валера, уезжаю.

– А куда?

– В Россию. А вы же тоже вроде собираетесь?

– Да, Ваня, но в Россию я не поеду ни за что. Куда угодно, хоть на Луну, но только не в Россию.

– А почему?

Вместо ответа на мой вопрос он взял со стены гитару и, сильно ударив по струнам, начал надрывно петь «Поручи-

ка Голицына». Потом я узнал, что дядя Валера и его семья уехали в Чехию.

После того как квартиры начали пустеть, у города начались проблемы с содержанием всего жилищно-коммунального хозяйства. Заместить количество уехавших из города не могло ни население аулов, ни программы переселения оралманов. Долги по коммуналке накапливались, общее обнищание населения только ухудшало ситуацию, администрация потеряла контроль за порядком, вдобавок ко всему, у них не было ресурсов для поквартирного отключения должников. Поэтому ничего другого ей не оставалось, как начинать отключать целиком дома, а затем и микрорайоны. Зима 1998–1999 годов была апогеем этого чудесного процесса: бетонные коробки домов стояли без света, без воды, без отопления, без газа. В это замечательное время люди выходили во дворы, ставили на арыки металлические решетки и готовили еду на костре. Да, у нас дома была паяльная лампа с треногой, и мы готовили на балконе, в этом отношении нам повезло. Но все остальные прелести исхода мы познали сполна. Чтобы разогреть постель, нам приходилось нагревать воду и разливать её по бутылкам и грелкам; уроки свои я всегда делал засветло; зажигали свечи и вставали рано утром, чтобы набрать в ванну воды, когда ту вдруг включали. Сложно себе представить, но в городе не было даже хлеба, и мы жарили лепешки на сковороде – это были вполне себе такие вкусные мучные изделия.

Вслед за тотальным блэкаутом и отчаянием пришла разруха, которая, как известно, селится в головах граждан. Начались бандитизм, воровство и массовые убийства за сущие мелочи. Сидя возле окна и решая задачи по математике, я частенько слышал, как во дворе разворачивалась настоящая перестрелка. Да, правоохранители и скорая помощь приезжали, но скорее уже только для того, чтобы зафиксировать количество убитых и раненых. Город погряз в разбойных нападениях, грабежах и изнасилованиях, достаточно почитать газеты тех лет, чтобы понять, что творилось на улицах. Один раз я видел, как двух молодых омоновцев наши дворовые беспредельщики поставили раком и избивали их же резиновыми дубинками. Никакого закона и порядка, контроль за ситуацией улетучивался с каждым днём, до тех пор, пока не ввели комендантский час и буквально на каждом углу не поставили омоновцев.

Когда принималось решение об отъезде в Россию, я уже оканчивал девятый класс. Учился я вполне сносно, когда сдал экзамены и получил аттестат основной школы, мы начали собираться в дорогу. Если честно, процедура распродажи вещей, в которой мне пришлось принимать участие, была совершенно унижительной. Тогда не было никакого интернета: мы с мамой вытаскивали эти вещи на рынок, на вырученные деньги покупали какие-то зимние вещи. В очередной раз мы шли с рынка, где для меня была куплена зимняя дубленка, мама и бабушка дали мне её в руки и отправили домой, а

сами пошли за продуктами. Прошагав какое-то расстояние, я увидел на углу нашего дома троих омоновцев. Встретаться с ними даже взглядами, а уж тем более приближаться к ним в мои планы не входило, поэтому я свернул с пути, чтобы обойти здание с другой стороны. Видимо, они заметили меня издалека, потому как, вырулив почти что у своего подъезда, я столкнулся с ними нос к носу.

– Что несём, куда несём?

– Я домой иду, вот мой подъезд.

– А документы у тебя есть, молодой человек?

– Какие документы? Я же говорю, что иду домой.

Никто не собирался меня слушать, они заломили мои руки за спину, несмотря на то, что я продолжал мертвой хваткой держать дублёнку. Это привлекло внимание соседей, и они начали приближаться к нам.

– Куда вы меня тащите?! Я же сказал, что иду домой! Что вам от меня надо!!!

– Сейчас сходим в опорный пункт и разберёмся, откуда ты идешь и где взял эту дубленку.

– Я не украл её, мы купили её на базаре, какой на хрен опорный пункт!

– Ничего, все так говорят, а потом выясняется, что квартиру обчистили и на базар тащат сбывать.

– Вы не имеете права! Помогите!!!

Я орал так, что собрался весь двор. На моё счастье, подошла мама с сумкой наперевес и явным намерением стереть

с лица земли этих товарищей. Сумка полетела в лицо одному из державших меня омовцев, я толкнул освободившейся рукой другого и тем самым выскочил из захвата.

– Документы свои показываем! Вы кто такие и почему напали на моего сына?!

Она была настроена задушить любого, кто сделает хоть шаг в мою сторону, я видел, что аффект захлестнул её, и в таком состоянии она способна на всё. Омовцы попятились и, развернувшись, стали удаляться. По прошествии многих лет стало понятно, что точка невозврата была для неё пройдена именно в этот момент. Она не могла и не хотела оставаться там, где могут напасть на её детей, отобрать у них что-то, побить или унижить. Безопасность была для неё на первом месте. Она бредила во сне и часто просыпалась, оттого что не верила в саму возможность переселения.

День отъезда был самым непримечательным, обычным летним днем. Мы все уселись в ГАЗ-69, а вещи были собраны и отправлены контейнером заранее. Погода располагала к тому, чтобы ехать и ехать. Бабушка в своей спокойной и невозмутимой манере перекрестила нас, мы покинули город и устремились вдаль. Степь, или, как её называют казахи, Великая Степь, сразу показала нам, кто тут главный. На жаре у нас начал греться бензонасос. Мы часто останавливались и всячески пытались его остудить. Ехали мы почти круглые сутки, практически без остановок, разве только для того, чтобы немного подремать. Путь предстоял неблизкий,

а автомобиль не разогнался более девяносто километров, так что поездка заняла у нас целую неделю. Мы останавливались на Балхаше, в Караганде и в Павлодаре, в остальном двигались практически без остановок. На участке границы дороги, видимо, строить никто не собирался, вдобавок ко всему, три дня шёл дождь, и грунтовку размыло, превратив в кашу. Все фуры стояли длинной вереницей на краю дороги, мы переключились на пониженную передачу и почти ползком вылезли из этой грязи. Всё лобовое стекло, оба борта, да что там, скорее всего, даже крыша были умазаны полностью. Не знаю точно название населенного пункта, в котором нам пришлось оставить машину, так как потребовалась растаможка нашего советского «старичка». Мы пересекли границу и в Карасуке сели на поезд, в Новосибирске пересели на другой и доехали до Ачинска.

С каким восхитительным чувством спокойствия я гулял по улицам города! Мне до сих пор кажется, что переезжать следует хотя бы раз в жизни. Это были летние месяцы, я быстро нашёл работу и друзей, мы изготавливали брусчатку в каком-то гараже неподалеку от дома. Да, тогда я решил, что не буду бросать свои навыки, и нашёл школу с углублённым изучением английского языка. Заработав на свою школьную одежду и обувь, на портфели и учебные принадлежности для себя и младшего брата, я с чувством выполненного долга пришёл 1 сентября в новую школу. До сих пор вспоминаю слова классного руководителя: «Посмотрите, как стоит но-

венький на общем фото, он открыт и уверен в себе». Первый же урок английского языка привёл меня в уныние, нет, от вида учебников я был просто в восторге, они были полностью на английском, ни слова по-русски. Расстроило меня то, что учитель объяснял задание на русском, ученики практически отвечали на русском, то есть, добавляя, конечно же, какие-то требуемые для ответа английские слова. Ничего из этого у нас в школе никогда не было, старенькая дунганка говорила с нами только по-английски, мы отвечали по-английски, ни одного русского слова на уроке не звучало.

Потом я понял, почему так произошло. Класс начал переводить текст по цепочке: каждый ученик сначала читал одно предложение по-английски, затем следовал перевод. И вот они наткнулись на какое-то незнакомое слово, никто не может перевести его, я произнес перевод, тот, кто читал предложение, посмотрел на меня. Хорошо, попадаетея опять какое-то незнакомое слово, я опять его перевожу, учитель уже смотрит на меня не отрываясь. В третий раз попадаетея какое-то незнакомое им слово, я вижу, что весь класс смотрит на меня, перевожу это слово, и мы идём дальше. В чём фокус, спросите вы? Забира Шлязовна была из тех советских преподавателей, которые понимали, что такое язык. Она заставляла нас записывать все незнакомые слова в толстую тетрадь в клетку, по девяносто шесть листов: слово – транскрипция – перевод. На уроке она поднимала кого-нибудь из класса и спрашивала слова из предыдущих тем, по сути, она

могла выбрать любое слово из нашего рукописного словаря. Поэтому, когда в конце урока в Ачинской школе я достал свой словарь, содержащий более трех тысяч слов, сшитый из двух тетрадей по девяносто шесть листов, все обалдели, и вопросов больше не было.

Конечно, я понимаю министерство просвещения, ведь хочется, чтобы в России читали Гёте, Гюго и Шекспира в оригинале, но существующие методы не позволяют этого добиться. Я каждый год пролистываю учебники: все они становятся тоньше и тоньше. Количеству никак не угнаться за качеством. Может быть, стоит отказаться от формального подхода и взяться за дело по-настоящему? Ведь так мы не то что английский не выучим, мы русский язык забудем. Напомню уважаемому читателю, что я учил со второго класса сразу два языка – английский и казахский, оба сдал на отлично и мне не стыдно за свои знания. Другое дело, если бы в школе, в которой я учил казахский, был применён тот же метод изучения языка со словарём, тогда я бы мог с интересом смотреть казахстанские телеканалы, с удовольствием слушать казахские айтысы и с восхищением читать Абая Кунанбаева. Не могу пройти мимо блестящего стихотворения Расула Гамзатова «Родной язык», приведу всего лишь два четверостишия; каждый раз, когда перечитываю его целиком, вспоминаю преемника Гамзата из Цада.

Я за него всегда душой болею,

Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик.

* * *

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

На этот счёт приведу одно наблюдение из жизни. Стою в аэропорту имени А. С. Пушкина, заряжаю телефон. Подходит к терминалу семейная пара: русская девушка и её муж, молодой китаец в очках. Она очень быстро и осмысленно объясняет что-то на его родном языке, показывая на экран смартфона. Может быть, великой русской нации пора принять тот факт, что бороться за людей нужно любовью и пониманием?

Повторю одну очень понравившуюся мне мысль известного человека: русская национальная идея – страна для счастья. Пора нам уже это запомнить и начать звать в Россию людей из всех стран мира. Великая немецкая нация уже осознала тот простой факт, что люди – это новая нефть. Совсем недавно в Германии предложили сделать английский вторым

официальным языком. Мы не можем отстать и ничего не делать в этом направлении. Посмотрите на Японию с её моноязычным населением – если мы ничего не предпримем, нас ждёт такое же старение населения, ситуация «один работающий на одного неработающего», с дальнейшим усугублением.

Возвращаясь к своему повествованию, хочется рассказать о том, как мы получали гражданство и паспорта в 2001–2002 годах в Российской Федерации. Мы не возвращались как соотечественники, у нас был статус вынужденных переселенцев, хотя, конечно же, он нам ничего не дал. Очередь на жильё в качестве многодетной семьи выглядела более реальной, хотя и она нам тоже ничего не дала. Последний мой эмоциональный всплеск от унижения случился тогда, когда мама принесла коробку гуманитарной помощи. Я просил, я умолял её вернуть этим органам подачку обратно – так мне было обидно за огромную Россию, за её крайнюю несправедливость по отношению к матери с тремя детьми.

Паспорта в итоге мы получили, не произнося никакой клятвы верности флагу и гимну страны. Просто расписавшись в красной книжице с фотографией и множеством пустых страниц для прописки. Объясните мне, пожалуйста, зачем государству институт регистрации граждан, который не работает? Множество людей трудятся вахтовым методом десятилетиями, живут совсем не там, где прописаны. Подавляющее большинство россиян не имеет загранпаспорта, они

не выезжали не то что за пределы страны, за границу своего региона, и, скорее всего, до конца своей жизни никуда не поедут.

В 2005 году, после долгого и упорного съёма жилья в аренду, мы решили строиться. Был найден и куплен участок с останками сгоревшего дома, взяты кредитные средства, закуплены стройматериалы и нанят прораб, понимающий, как ставится сруб. Часть лета мы прожили в вагончике, на участке, где постепенно выросло новое строение, затем мы проводили время уже под крышей, с конопатками в руках. Поначалу не было перегородок, туалет находился на улице, помещение отапливалось плохо, потому что у печи имелась только прямая труба на улицу и большая часть тепла выходила попусту. Путём долгого исправления ситуации методом проб и ошибок появились все удобства, стало гораздо теплее и уютнее. В 2007 году нас сняли со всех очередей на жильё, аргументация была простая и ясная: вы все прописаны и проживаете в доме, который является вашей собственностью.

Никогда ничего не просил у государства, не собираюсь делать этого и впредь – пусть лучше у меня рука отсохнет и отвалится, чем я протяну её за кислым исполкомовским рублём. Если бы мы когда-нибудь надеялись на то, что нам достанется что-то от него, от государства, мы бы никогда ничего не заработали сами. И в данный момент, читая на сайте Государственной Думы закон о защите русского языка от чрезмерных иностранных заимствований, я не прошу у за-

конодателей ничего и ни к кому из них не обращаюсь. Мне хочется быть услышанным и понятым людьми, говорящими и думающими по-русски. Приведу только финальные строчки стихотворения «Предгневье» поэта Игоря Северянина:

Родиться русским – слишком мало:

Им надо быть, им надо стать!

Кто же был тот первый русский, с которым я познакомился, приехав в Россию? Этого замечательного парня зовут Алёша, для меня он стал солью земли русской, её защитой и опорой в самое трудное для страны время. Но об этом немного позднее, а пока начну с того, что он жил с матерью в двухкомнатной квартире на пятом этаже хрущевки. Как водится, жили они очень бедно, он ходил в училище неподалеку, где готовили поваров. Я не зря употребил глагол «ходил» вместо «учился», потому что Алёша, конечно же, ничему не учился, он в училище просто ходил. Причём не всегда исправно, а в последний раз, когда надо было сходить на экзамены для получения аттестата средней школы, он туда так и не явился. Дело было очень простое, я даже пришёл ему напомним, что настал час икс, что его судьба решается прямо сейчас и жизненно необходимо встать с кровати и донести своё брэнное тело до училища.

Когда мы видим в американской культуре феномен супермена как понимание возможности изменений и уверенность в собственных силах, нам это нравится. Американцы тем и отличаются от всех европейцев, русских в том числе, что со-

здают этот образ «YES, WE CAN». Если у американца что-то не получилось, то он вам доступно объяснит, что он либо не очень старался, а значит, и не очень хотел это сделать по-настоящему, либо просто не совершил нужное количество попыток. Именно осознание, убежденность в том, что он может добиться всего, чего только захочет, несмотря на любые внешние обстоятельства, искренняя уверенность в собственных силах – все это делает американца американцем. Русская же приобретённая беспомощность, которая делает ставку только на чудо, настолько фатальна и безысходна, что превращает всех героев наших сказок в ужасных антагонистов супермена. За что Емеле и Ивану-дураку достаются все призы этого мира? Да ни за что, просто так, это же сказка.

Когда мы не приступаем к делу один раз, не делаем попытки начать во второй раз, а потом и в третий раз, к нам приходит подленькая мысль: а может, это и не нужно совсем? Хорошо, а что тогда нужно, зачем мы пришли на эту землю? Почему мы не идём в мир с идеей, что возможно всё что угодно, необходимы только вера в себя, труд и упорство? Наши воспитатели не могут не воспитывать в нас беспомощность? Ну тогда надо задать себе вопрос: а кто они, эти воспитатели?

Я вхожу в квартиру, в которой нет обоев, она ужасно выглядит, в ней нет абсолютно никакой мебели, кроме каких-то жутких пружинных кроватей с ватными матрасами. Старенькая бабушка, которая пытается перекричать своего

уже взрослого внука, пьющая мать и гора окурков на кухне. Мужчины в доме нет, а тот, кому стоило бы взять на себя эту роль – я говорю, конечно же, о моем друге Алёше, – воспитан в парадигме приобретенной беспомощности. Его бьёт током, как собаку, от чудовищной нищеты, он должен бы сбежать из клетки под воздействием сверлящего звука своей бабушки, но он этого не делает, он остаётся в клетке.

Начинаем разговаривать с ним в съемной квартире на тему образования, бабушка и мама уже в другом городе, он уже давно живёт на то, что зарабатывает охранником. Доходим до мысли, что стоит закончить когда-то не завершённое дело, и он информирует, что есть вечерняя школа, в которой можно получить аттестат средней школы. Я предлагаю свою помощь, мы садимся за учебники, открываем математику и тут же возвращаемся к удару током. Он не может сдвинуться с места в своем воинствующем невежестве, летят вопросы: а зачем это нужно? Почему надо учить правила? Неужели всё так сложно? Я прошу его сделать над собой усилие и выйти из клетки неуча, открыться знаниям и принять их как некое благо. Но он остаётся глух к моим посылам и закрывает книгу, не пытаясь даже изобразить вторую попытку.

Дальше следует армия, никаких обстоятельств, которые могли бы изменить существующую проблему, не случается, Алёша бережно хранит у себя в голове эту клетку, не позволяя себе развиваться, и, вполне возможно, служить по контракту, заниматься ратным делом. Далее он добирается до

Подмосковья, находит для своей девушки возможность родить двоих сыновей, но не находит возможности достойно обеспечивать её и быть хорошим мужем и отцом. После чего, в результате частичной мобилизации, оказывается на фронте и воюет там до 2 января 2023 года. В этот день он идёт за сапёром и натывается на противопехотную мину, в результате взрыва которой лишается ступни и уезжает в госпиталь.

Почему я считаю его историю важной? Да всё очень просто: никому в этой жизни неинтересно, что ты где-то не дописал, не допел, не досказал, всем интересен конечный результат, итог работы. Я не мог обойти историю Алёши, соли земли русской, её опоры и защиты, потому что иначе работа была бы не цельной, не законченной. Мы должны отречься от победы иррационального в нашей жизни, нам не нужен миф или сказка о чуде, которое принесёт всем счастье. Господь Бог не создал для нас рая на земле, в поте лица своего мы будем добывать хлеб наш насущный, доколе не возвратимся в землю, ибо прах мы есть и в него же вернёмся. Эта мысль из Бытия настолько банальна и жизнеутверждающе полна, что не понять этого нет никакой возможности.

Нежелание учиться вообще свойственно многим людям, независимо от их принадлежности к какому-либо обществу. Если бы можно было написать книгу, которая заставляла бы людей делать собственные выводы, сравнивать разные источники, системно познавать и критически оценивать полученную информацию, то она была бы конечно альтернативой ис-

кусственному интеллекту. Ведь ИИ только обобщает, сокращает в правильном ответе все накопленные человечеством знания о предмете, но никогда не сомневается в этом, не ищет другой точки зрения, не делает сравнений и не высказывает своего отношения, которого по определению у него быть и не может. Одну и ту же книгу разные люди могут читать по-разному, у каждого могут выстраиваться свои оценки и суждения о персонажах и сюжете. Но сама книга ничему научить не может, знания даёт только человек.

С моей стороны было бы ошибкой выжившего рассказывать только о своём опыте, ведь судьба множества тех, с кем мне доводилось дружить и общаться, была намного драматичнее. У меня лежит фотография того времени: мы вылезли на крышу нашего пятиэтажного дома 1 января 2000 года, снега нет, так тепло, что мы стоим в свитерах и без шапок. Каждый из нас представлял, сколько ему будет лет на переломе тысячелетий, этот миг прошёл, но ничего глобально в нашей жизни, конечно же, не поменялось, на лицах всё те же простые и открытые улыбки. Саша, который снимал нас и не попал в кадр, скорее всего, не понимал, как это важно – быть в кругу друзей, которые тебе доверяют, которым доверяешь ты. Травокуром я не был, но врать, что никогда не пробовал и не уходил с последнего урока покурить сигареты за гаражами, не сбегал из дома и не ночевал в подвале, распив с товарищем бутылку дешевого алкоголя, не стану. Сашу его мать растила одна, ей, как и большинству одиноких женщин,

приходилось много работать. Когда он в первый раз вынес из дома небольшой мешок сахара и продал его на базаре, чтобы купить травы, она долго плакала и не могла понять, что он попросту изгой. Ему нужна была трава для «друзей», с нашим кругом он не общался, считая нас кем-то вроде сопливых детей, хотя мы все были примерно одного возраста. Когда мы все разъехались, он остался в нашем родном городе и стал катиться по наклонной, пересел на тяжелые наркотики, из дома вынес всё что можно. Его мать не могла терпеть это и съехала на съемную квартиру, предоставив ему возможность жить как вздумается. Тем самым, как мне кажется, она простилась с ним и уже в тот момент, несмотря на то, что он был жив, похоронила своего сына. Когда я бывал в городе и гостил у своей бабушки, мне попадалось это страшное лицо, испещренное пороками и страшной ненавистью к людям. В последний мой приезд, приблизительно в марте 2018 года, бабушка сказала мне, что Саша умер не так давно, она разговаривала с его матерью после похорон.

Большое количество моих сверстников и вообще людей поколения 80-х и 90-х никуда не уехало, они остались жить там, где родились. Это не хорошо и не плохо, таковы были, скорее всего, условия, которые определили их сознание, ведь никто не призывал их на войну, не ущемлял их права. Никто никогда не писал на заборе «Казахстан для казахов», в этом всегда было огромное преимущество этой теплой радушной земли. Когда из-за частичной мобилизации из России потя-

нулись те, кто был не готов воевать, моя прекрасная Родина показала своё потрясающее гостеприимство всему миру. Никто не бросил этих людей, их приютили, обогрели и дали возможность остаться. За это я всегда буду благодарен народу Казахстана, надеюсь, что и россияне будут всегда помнить это великодушие и напутственные слова «Ақ жол!» («В добрый путь!»), сказанные им вслед при отъезде.

С моим лучшим другом Денисом мы познакомились, наверное, когда нам было лет по двенадцать. Я вместе с братом собирал наши портфели на понедельник, а в пятницу мы уезжали к бабушке на выходные. Это были всегда мои самые любимые дни недели, во дворе было много моих сверстников. Общения, игр, разного рода приключений было столько, что нас не могли вечером загнать домой. Денис познакомил меня со всеми, кого знал сам, мы постоянно ходили одной компанией, гоняли на речку купаться, играли в «Вышибалы», «Козла», «Горячую картошку», стреляли из рогатки и находили такие интересные занятия, которые современному человеку из интернета и не снились. Отец Дениса учил нас играть в шахматы, и мы частенько сражались на черно-белом поле. Или мы сидели с гитарой на улице. Так у меня появилось ещё одно увлечение. Какой-нибудь прохожий попросит у меня инструмент, сыграет знакомую мелодию, я смотрю и запоминаю, потом дома сижу разучиваю, много-много раз повторяя то, что запомнил. Никаких сборников песен и аккордов у меня тогда не было, была только музыкальная па-

мять и очень хороший слух, я старался снять мелодию и повторял слова песен, зачастую абсолютно мне незнакомых.

Когда я поступил в один из красноярских вузов, оказалось, что Денис тоже приехал в Красноярский край и стал студентом. Правда, мы учились в разных заведениях, но одно то, что находились в одном и том же городе, делало жизнь проще: я приезжал к нему в гости в общагу. В одно из таких посещений Денис познакомил меня с Катей. Вечером мы ужинали курицей, запеченной с картошкой и грибами, и я узнал, что они учатся в смежных группах, а у Кати есть одногруппница Наташа, которая и организовала наше знакомство.

В итоге Наташа и Денис начинают свою историю, мы с Катей – свою. Конечно, эти истории совершенно не похожи одна на другую, но разделить их не получится, придётся рассказать обе.

В отличие от Дениса в образе рок-звезды, который уже в самом начале покорила большую часть женской аудитории, мы с Катей внешностью не блистали, звезд с неба не хватало. Я выяснил, что она учится платно, хотела поступать на архитектора, но так как не добрала баллов, пошла на проектировщика зданий и сооружений. Учеба давалась ей тяжело, технические предметы она закрывала с трудом и на тройки. Она всегда что-то рисовала, и это увлечение мне лично показалось более осознанным, чем какая-то инженерно-техническая профессия, в которой она себя решила утопить. Я

предложил ей поступать заново на дизайн в мой университет, чтобы учиться вместе. Летом мы вместе с ней подали документы, я помог ей сдать экзамены, она поступила на бюджетное место. Конечно же, после такого успеха было грех не сходить к директору студгородка и не попросить о переводе студентки по обмену в наше общежитие. Ей дали место в нашем общежитии, но я понимал, что надо дожимать и пошёл с серьёзным разговором к коменданту, объяснил, что буквально выкрал девушку из другого вуза и нас необходимо поселить в одной комнате. Естественно, основанием для подобного решения могло быть только свидетельство о браке, поэтому я погрузился на месяц в графический редактор и нарисовал этот документ, изготовил его со знанием дела. В назначенный час мы, разодетые в пух и прах, с кольцами на пальцах пришли к коменданту и сыграли чудесный спектакль с женьбой.

Уважаемый читатель наверняка у меня спросит, почему я не взял в жёны Катю на самом деле, без этих выкрутасов с подделкой документов. У меня всегда было хорошее чутьё, и я понимал, что студенческий брак – вещь недолговечная, тем более что обременять человека узами брака в его первую же влюблённость было бы крайне опрометчивым поступком. После такого циничного и вероломного хода у нас начался опыт отношений и ведения совместного быта. Моё убеждение, что в жизни стоит надеяться только на самих себя, мы переложили на практику и начали подрабатывать в свобод-

ное от учёбы время. В этом плане я чересчур увлёкся и на каком-то этапе не только чуть не вылетел с учёбы, но и осознал, что постепенно теряю Катю. В конце моего пятилетнего пребывания в вузе, за полтора месяца до диплома, я понял, что у неё появился другой молодой человек. Сказать, что это было неожиданным – значит обманывать себя, я был к этому готов. Другое дело, что повёл я себя как орангутанг, за чем-то начистил парню морду, тем самым вызвав на себя его справедливый гнев. Он сходил в полицию, рассказал про мои делишки со свидетельством о браке, служители закона пришли в общежитие, попытались взять меня тёпленьким, но я, понимая всю остроту момента, уже успел слинять. Месяц я дописывал диплом, сидя на съёмной квартире на каких-то задворках и проклиная себя за глупую драку. Всё прошло благополучно, я защитился на отлично, и больше с Катей мы не виделись.

Денис с Наташей жили в одной общегае, они были под стать друг другу: оба высокие, красивые до умопомрачения. Со всем недолго продолжался этот медовый период в их жизни, может быть, год всего. На очередной день рождения Дениса мы все вместе выехали на природу, там, вероятно, и случился у них этот контакт. После некоторого времени друга моего как подменили: он стал закрытым, очень озлобленным и истеричным. Когда Наташа позвонила мне и попросила помочь перевезти её вещи, я очень удивился. Приехал к ним в общежитие, встретил её на входе и спросил, почему она не

проходит, она ответила, что вещи уже давно собраны и Денис должен спустить их вниз. Вскоре я увидел моего друга с чемоданами, он даже не поздоровался со мной, чего раньше с ним никогда не бывало. После того как он их поставил и, развернувшись, ушёл, я начал спрашивать у Наташи, что это было. Она объяснила, что не желает быть дальше с человеком, от которого придется сделать аборт. Я был в шоке, конечно, ничего не могу сказать и сейчас по этому поводу, могу только пожалеть её. После разрыва с Денисом она не исчезла из виду и продолжала общаться с Катей, но учёбу закончить так и не смогла. Денис же продолжал знакомиться с девушками, они менялись у него чаще перчаток из известного выражения. Не понимая сути женщины и не осознавая всю брэнность бытия, ему приходилось каждый раз быть приторно-сладким, я не мог на это смотреть без отвращения, и мы встречались всё реже.

В конце концов замечательная девушка Лена, которая смогла быть терпеливее многих, помогала ему с учёбой и готовила ему пищу, сумела по окончании вуза женить его на себе, тут увильнуть у него не было шансов. На их свадьбе меня попросили спеть что-нибудь, я взял гитару и с огромным воодушевлением спел «Темную ночь». Теща Дениса с изумлением потом спрашивала у меня, почему я выбрал именно эту песню. Я не мог это объяснить, сам выбор костюмов (мы со свидетельницей были полностью в чёрном) до сих пор внушает благоговейный ужас мрачного предзнаменования.

Они с Леной прожили вместе два года, он, конечно же, продолжал вести себя как рок-звезда, ни о каких детях, я так понимаю, они и не думали. В 2012 году он купил себе новенький чёрный Honda Accord и разбился насмерть, вылетев на полосу встречного движения. 17 августа он не только погиб сам, но и захватил с собой на тот свет водителя с пассажиром, ехавших в Nissan Tino ему навстречу.

Останься, мужество, со мною, когда от слёз глаза свело,
Когда обида за спиною в затылок дышит тяжело,
Когда угасла вера в чудо и горестям потерян счёт.
Останься, мужество, со мною, пусть мне хоть в этом поведёт.

Судьбы причудам не переча, я встречу злые виражи.
Ты только, мужество, за плечи меня в ненастье поддержи.
Останься, что бы ни случилось, каким бы ни был поворот.
Мне не идёт судьбе на милость сдаваться, если не везёт.

Уж коли суждено судьбою невздадам надо мной кружить,
Останься, мужество, со мною, не горбясь чтоб я мог прожить.

(Стихи отца Дениса)

Что же касается моего отца, я не хотел и вовсе рассказывать о нём, чтобы сразу перейти к главной теме моего повествования. Но потом я понял, что читателю не будет понятно, с каких позиций идёт выступление, где тот моральный ка-

мертон, как расчертить границами добро и зло и что является мерилom этической нормы. Поэтому отбросим условности и скажем, что я рос абсолютно счастливым ребенком, у меня было даже больше того, что нужно в дошкольном возрасте. Чудесный сад, в котором росли сладко пахнущие розы и краснощекие вкусные яблоки, был тем самым райским местом, в котором мы ничего не боимся и лезем на самую верхушку за понравившимся плодом. Да, иногда мы падаем, раним себе колени или локти до крови, но ощущение бесконечно теплого лета, потрясающе сытного обеда и полуденного сна не сравнится ни с чем в мире.

Игрушки в моём детстве исчислялись мешками, большая двухкомнатная квартира была моим широчайшим плацдармом для любых воображаемых сражений при игре в солдатик, для гонок на машинках и поездок по игрушечной железной дороге. Отец любил чтение, и в нашем доме была огромная библиотека, составленная из самых разных книг, тонких и толстых, с картинками и без – на любой, даже самый изощренный вкус. Думаю, именно поэтому ружьё, то есть интерес к книгам, должно было обязательно когда-нибудь выстрелить. Невозможно было пройти мимо Острова сокровищ, приключений Робинзона Крузо, смеха Тима Тайлера и озорника Карлсона, который живёт на крыше. Не спрашивайте, почему ваш ребенок не читает, спросите себя, что лежит и стоит на полках в ваших комнатах. Красивый сервиз, безделушки и тряпки, которые кажутся вам чем-то важ-

ным? Только множество разноцветных книжных корешков должно обратить на себя внимание отрока. Не энциклопедии ваши красивые и многотомные, одинаково размеченные порядковыми номерами, а разночинные томики фантастов и историков могут распалить воображение юного человека так, что, однажды отправившись на поиски знаний, он уже не остановится.

К первому в своей жизни испытанию медью я был готов как никогда. Эти монеты отец привозил из поездок, мы складывали их в копилку, и периодически я считал, какая там накопилась сумма. Во всех дворах самый важный предмет зависти детей в любые времена – велосипед. Я не помню, как мы вышли с отцом на разговор, но это не выглядело с моей стороны явной просьбой купить вожеленное транспортное средство. Он взял мою копилку, вытащил всю мелочь, которая набралась за долгое время, мы сходили в типографию, ему пришлось немного добавить к нашему «богатству», но он купил сто экземпляров свежего выпуска местной газеты. Я пока не понимал, как нас может приблизить покупка газет к приобретению велосипеда, но, когда мы дошли до нашего длиннющего дома в десять подъездов, он сказал, что мне нужно продать газеты жильцам, передал мне всю пачку, а сам пошёл домой. Я начал с первого подъезда, и по мере моего всё более уверенного торга пачка становилась все меньше. Наконец я зашёл в последний подъезд и продал оставшиеся экземпляры. Соседи были крайне рады купить их у меня и

попросили прийти, как только появится новый выпуск. Пересчитав все полученные за полтора часа гонорары, я понял, что через месяц точно буду ездить на велосипеде.

К испытанию водой я был готов плохо, потому что на момент события, о котором мне придётся рассказать, совсем не умел плавать. Отец возил меня с собой летом на озеро Иссык-Куль, что находится в Киргизии. Там мы ставили резинки с колокольчиками, выезжали с удочками на лодке, в общем, ловили рыбу всеми доступными нам способами. Ночевали мы на берегу в палатке, когда становилось прохладно, я спал в машине. Как-то рано утром я проснулся оттого, что у меня затекли ноги от неудобной позы, и решил выйти из автомобиля размяться. Отец спал в палатке и не слышал моего шлёпанья босыми ногами по воде. Волны плескались и набегали на берег. Очень скоро мне стало скучно, и, усевшись в лодку, я решил немного покататься поблизости. Отчалив, я стал раскачиваться на волнах и как-то особенно беззаботно удаляться от места стоянки. Вскоре я понял, что пора возвращаться, и начал грести по направлению к машине и палатке, однако почему-то расстояние между мной и сушией почти не уменьшалось. Я видел, что лишь интенсивная работа вёслами хоть как-то сохраняет близость к берегу, легкие движения почти не производили никакого эффекта. Когда силы мои были уже на исходе, я почувствовал спускающийся по загривку и постепенно опоясывающий руки страх. Жёстко схватив меня за запястья, он приказывал отчаянно

вырвать из груди крики о помощи или хотя бы всхлипы. Но я всё так же грёб и не сдавался.

Родительское чувство потери контроля и приближающейся опасности пришло на помощь вовремя, отец проснулся и, не увидев меня в машине, а также не обнаружив лодку, стал всматриваться в рябь озера. Он обнаружил, что я уплыл довольно далеко. Сев в другую лодку, отец начал очень быстро грести и приближаться к моему дрейфующему судну. Поравнявшись со мной, он привязал мою лодку к своей и так же быстро начал грести обратно к берегу. Ни слова не произнося, видимо, понимая, что мне и так хреново, он напоил меня чаем, стал собирать улов и готовиться к отъезду.

Испытание огнём было для меня самым ужасным, я до сих пор удивляюсь, как мне удалось сохранить рассудок и не превратиться в морального урода. Отец с матерью разошлись приблизительно в момент развала Союза, я не помню его уже в школьное время и не могу сказать, что это как-то меня задевало или ранило. Просто мама поднимала нас с братом рано утром, мы одевались и шли в школу, которая была рядом с детсадом, где она работала. Время шло, мама стала работать больше, и мы вдвоем возвращались домой с ключами, привязанными к веревочке, которая висела у меня на шее. Я разогревал обед, мы ели, затем я садился читать, делал уроки, потом мы с братом играли в приставку. Жизнь текла своим чередом.

Однажды ночью я проснулся от сильного удара в дверь,

мы с братом соскочили с постели и побежали в прихожую, где страшные толчки и пинки продолжались. Мы увидели маму и будущего отчима, подпирающих дверь кухонным столом. Сказать, что мы испугались, – вообще ничего не сказать, брат уже ревел в голос, я же, не понимая, что происходит, был пока не готов даже всхлипывать.

– Кто там?

– Сынок, это я, твой папа, открой мне дверь!

Что я должен был сказать ему в тот момент? Мог ли я вообще что-то сделать тогда? Только сейчас, проработав все свои зажимы и вылечив главную болезнь – свой страх, я могу твёрдо и уверенно сказать отцу: «Папа, если ты нас любишь, отступись, мы всегда будем твоими детьми и до последнего дня твоего на земле будем с тобой рядом. Не нужно пугать нас среди ночи, ни к чему выламывать эти двери, которые ты ставил своими руками. Если ты хотел бы бороться за свою семью, то это надо было делать раньше, когда ты был с нами».

Вполне возможно, кто-то скажет, что я не прав и надо выламывать дверь до конца, не считаясь с тем, что по рукам и ногам течёт кровь, плечо саднит и все соседи в подъезде пытаются тебя остановить. Ну хорошо, сломал ты дверь, ворвался и навалял всем по первое число. Дальше-то что? Из квартиры без двери не уйти в школу и на работу, деньги на новую дверь надо будет изыскивать, кто-то опять же должен будет её установить. А ведь помимо сломанной двери, оста-

нется еще и сломанная психика твоих детей, которые побегут от тебя врассыпную.

Длительное время, пока отец был в России, мы ничего о нём не знали. Потом бабушка дала мне адрес, и я написал ему. Выяснилось, что он сидел в тюрьме, а на момент нашей с ним переписки жил в Волгограде. Он мне рекомендовал какие-то книги, я рассказывал ему об учёбе в институте. Конечно же, он не признавался мне, что пьёт и жить ему осталось совсем недолго, это уже потом я узнал про цирроз печени. Надеюсь, что письма от меня дарили ему хоть какую-то надежду, что жизнь прожита не зря.

Отвечая сразу на возникающие у читателя вопросы про отцов и детей, хочу сказать, что дети не могут повлиять на своих родителей, просто в силу своего возраста. Если отец мыслит себя как глава семьи, значит, он должен быть умнее и прозорливее не только своих детей, но и себя самого. Он должен предугадать не только реакцию ребёнка, но и собственные дальнейшие действия в ответ на эскапизм и глухое противостояние. Один известный педагог, которого я уважаю, говорит, что детей не нужно воспитывать, нужно воспитать себя, а дети возьмут с тебя пример. Русские люди – это героические дети, они могут молчать и терпеть унижения десятилетиями. Неужели хоть кому-то, кто имел дело с воспитанием детей, не понятно, что, дав игрушку одному ребёнку, ты неизбежно должен будешь дать игрушку второму? Если ты видел, что придётся признавать право детей Крыма гово-

ритель, жить и учиться на русском языке, то почему в 2014 году ты смог не признать те же самые права за детьми ЛДНР? Уже потом, в 2019 году, раздавая в ЛДНР российские паспорта, отец сам себя обрёк на войну в 2022 году.

Предательство жителей ЛДНР со стороны Украины и со стороны России, которые дважды, в 1994 году и в 2014, проголосовали за использование русского языка в качестве государственного наряду с украинским, было чрезвычайно болезненным рецидивом. Сколько времени из восьми лет Петр Великий, Александр I и Александр II колебались бы, решая вопрос о борьбе за права русских людей говорить на русском? Я думаю, что ни одной секунды.

А теперь вернёмся в тот замечательный год, когда в Москве прошла летняя Олимпиада, которая дала название месторождению золота в Красноярском крае, где я работаю уже больше десяти лет вахтовым методом. Множество стран не приехало на эту Олимпиаду из-за ввода советских войск в Афганистан. Мы начали падать в пропасть как союзное государство именно в этот момент, и надо подумать одновременно о двух вещах: нашей неспособности принимать решения совместно из-за общего недоверия друг к другу и нашем ужасно обостренном чувстве справедливости. Они взаимно уравновешены и определяют всё остальное.

Когда мы употребляем в речи слово «справедливость», мы, конечно же, не понимаем всю эфемерность и иллюзорную сущность этого понятия. В английском языке слово **fair**

имеет не только привычное для нас значение: другие его значения – «светлый» и «прекрасный». То, что для одного человека является светлым, справедливым и прекрасным, для другого является абсолютно темным, несправедливым и ужасным. Уловить суть самого понятия не представляется возможным, однако большинство людей на планете понимают справедливость как правосудие, и это слово определяется именно так. Но для русского человека «правосудие» и «справедливость» – это два абсолютно разных понятия, которые никогда одно с другим не ассоциировались. Одно мы просим всегда для других, а другое желаем всегда иметь для себя, любимых.

Почему же всё-таки мы не можем отринуть все наши исторические грабли, продолжая наступать на них вновь и вновь? Может быть, именно потому, что понимаем справедливость не как весь остальной мир? Спросим у самих себя: кто понёс ответственность за развязанную войну в Афганистане? Если бы мы осудили это преступление и призвали на помощь правосудие, вполне возможно, мы бы поступили справедливо. Тогда всем последующим правителям стало бы ясно, как будут действовать русские люди (с учетом их «рабского труда на галерах»). Мы не защищали в Афганистане права афганцев говорить по-русски, апрельская революция 1978 года и гражданская война были только их внутренним делом, и никто не имел права вмешиваться. Для того чтобы призвать правосудие и установить справедливость, нужно дове-

рять друг другу и уметь принимать решения совместно, конечно, опираясь на мнение большинства, но учитывая интересы меньшинства. Это очень просто звучит, но на практике у нас так никогда не происходило.

Правосудие как услуга, которая может быть оказана обществу, должна быть им самим востребована, а для этого необходимо прийти к консенсусу, то есть, доверяя друг другу, принять решение о недопустимости в дальнейшем тех вещей, которые мы не приемлем и осуждаем: развязывание и ведение войны на чужой территории, никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Сейчас уже и не вспомнить, с какой это радости президент стал выбираться на шесть лет, причем с сохранением возможности избрания на второй срок. Мы с вами ведь не голосовали за это, увеличение сроков избрания Госдумы и президента были приняты у нас за спиной и безо всякого референдума в 2008 году. Почему Казахстан перешёл на один семилетний срок президентства без права переизбрания? Может быть, они начали понимать, что зависимость от решений одного человека – это плохо и что постоянные выборы одного и того же «кандидата» приводят к снижению уровня активного избирательного права. Когда спрашиваешь: почему не ходишь на выборы, ответ всегда один: «А зачем?» Пока мы сами не выстроим систему рычагов и предохранителей, которые позволяют дать по рукам любому зарвавшемуся «отцу нации», пока мы не поймём, что несменяемость власти – это плохо, жить мы

будем как в Северной Корее, из нашей страны будут бежать даже те, кто здесь родился и вырос.

Попробуем прочитати слова гимна України и понять, что же в нём стало камнем преткновения.

Ще не вмерла Україна
І слава, і воля!
Ще нам, браття-молодці,
Усміхнеться доля!
Згинуть наші вороги,
Як роса на сонці;
Запануєм, браття й ми
У своїй сторонці.
Приспів:
Душу, тіло ми положим
За свою свободу,
І покажем, що ми браття
Козацького роду.
Гей-гей, браття миле, нумо
Братися за діло!
Гей-гей, пора встати, пора
Волю добувати!
Наливайко, Залізник
І Тарас Трясило
Кличуть нас із-за могил
На святеє діло.
Ізгадаймо славну смерть
Лицарства-козацтва,
Щоб не втратить марне нам

Своего юнацтва.
Приспів.
Ой, Богдане, Богдане,
Славний наш гетьмане!
Нащо оддав Україну
Москалям поганим?!
Щоб вернути її честь,
Ляжем головами,
Назовемся України
Вірними синами!
Приспів.
Наші браття слов'яни
Вже за зброю взялись;
Не діжде ніхто, щоб ми
Позаду zostались.
Поєднаймося разом всі,
Братчики-славяне:
Нехай гинуть вороги,
Хай воля настане!

(Слова Павла Чубинського, музика Михаїла Вербицького)

Вот это нормальный ход, мы много всего узнали, лишь прочитав слова гимна соседнего государства, не правда ли? А теперь давайте трезво оценим этот замечательный текст, который был принят в 2003 году Верховной Радой Украины. Слова «воля» и «свобода», на первый взгляд, кажутся здесь синонимами, однако если внимательно прочитать и перевести последний куплет – «Наші браття славяне уже за

оружие взяли; не дожидается никто, чтобы мы позади остались... Пусть погибнут враги, пусть воля настанет!», – то станет понятно, что свобода – это действительно свобода по-украински, а воля – это не свобода, а, как бы сказали поляки, **wolność** – вольность. Значит, никакого принуждения, возможность действовать по-своему. Строчка «И покажем, что мы братья казацкого роду» ещё раз подтверждает нашу догадку, поскольку слово «казак» – тюркского происхождения и означает «вольный кочевник, свободный человек». Казак и казак имеют одну суть – это человек, имеющий вольность, то есть независимый ни от кого, действующий всегда по-своему.

После того как мы разобрались с краеугольными камнями этого текста и уяснили, что за свободу нужно «положить душу и тело», а за честь Украины «лечь головами», необходимо понять, откуда взялся жовто-блакитный флаг государства, которое борется с «погаными москалями». Использование цветов шведского военного флага – желтого и синего – было пожаловано королем Карлом XII гетману Ивану Степановичу Мазепе в их совместном противостоянии Петру I в Северной войне. Да, Мазепу поддержала лишь малая часть казачества, большая часть запорожского войска была на стороне Петра, но это не отменяет текущий государственный статус флага, с идеологией предательства которого живёт украинская власть.

Общаясь и работая с украинцами, понимаешь, что это

очень талантливые, трудолюбивые и соперничающие люди. Никто из них никогда не оставит друга в беде, не бросит дело на полдороги, остроумным словом и оптимистичным взглядом на жизнь ободрит тебя и поддержит. Мне невероятно больно смотреть, как эти светлые и жизнерадостные люди страдают из-за неумелых и неспособных к переговорам политиков. У многих украинцев, живущих в России, остались на Украине родственники, остались родители или дети. За годы войны многие дети стали сиротами.

«Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Это высказывание товарища А. А. Громыко могло бы стать лучшим афоризмом русской дипломатической мысли, если бы он не поддержал войну в Афганистане. Подводя итог и связывая провал советского руководства с его крайней некомпетентностью, хочется, конечно же, привести в пример влияние Российской империи на сопредельные народы. Заканчиваются Наполеоновские войны, к России «на вечные времена» 3 мая 1815 года присоединяется Царство Польское. В 1816 году учреждается Варшавский университет, основаны высшие школы: военная, политехническая, лесная, горная, институт народных учителей, увеличено число средних и первоначальных школ. В 1817 году государственных крестьян освободили от многих средневековых повинностей. В 1820 году барщину стали заменять оброком. Во все земли, куда бы ни приходили русские, они приносили с собой образование и культуру; они строили, создавали и да-

вали возможность каждой народности проявить себя и сделать место своего проживания лучше и комфортнее.

Даже СССР пришёл в Афганистан изначально с миром. В числе объектов, которые помогли построить в Кабуле советские специалисты: международный аэропорт, Политехнический университет, хлебокомбинат, тоннель Саланг и авторемонтный завод. Кроме того, здесь, как и во многих городах России, до сих пор стоят пятиэтажные панельные дома. Народы Афганистана, несмотря на десятилетнюю войну, помнят и уважают Советский Союз.

Почему же нам, так яростно и беззастенчиво забравшим в свое настоящее достижения и ошибки СССР, не водрузить, как флаг, одну очень простую мысль: завоевывать мир нужно мягкой силой – культурой, технологиями, образованием и русским языком. Да-да, я не ошибся, именно русским языком. Те же афганцы, даже зная английский, никогда не поедут в Америку учиться, они приедут в Россию, поступят в наши институты и выучат русский, чтобы понравиться русской девушке. Пройдет два поколения, и любой афганец, любой китаец или эфиоп сможет покорить вас чистотой русского языка. Не верите? Откройте и прочтите родословную поэта А. С. Пушкина.

Почему нельзя перевести произведение с языка оригинала без потери художественной ценности и изначального смысла на любой другой язык? Ведь именно это природное нутро, фонетика и семантика языка завораживают слушате-

лей, читателей и зрителей. Те, кто хоть раз читал, видел или слушал одно и то же произведение в переводе и в оригинале, меня обязательно поймут. Всю мощь юмора, иронии и драмы, которую закладывает автор в первоначальном замысле, невозможно передать даже в самом талантливом и близком к оригиналу переводе. И дело даже не в самих словах, не в смыслах, суть кроется всегда в откровенности и пронзительности чувства, которое автор переживает в своем творении.

* * *

В 2001 году случилась трагедия, которая разделила весь мир на до и после. Когда 11 сентября я смотрел в прямом эфире на то, как здания Всемирного торгового центра горят и разваливаются, меня не покидало ощущение нереальности происходящего. Раз за разом прокатывая по новостям кадры врезающихся в небоскрёбы самолётов, разные источники пополняли картину ужасом мельчайших подробностей: падающие с верхних этажей люди, разбегающиеся в панике жители города, низвергающийся коллапс, покрывающий город густой дымовой завесой. Место несокрушимой свободы, которое казалось всем абсолютно неуязвимым и безопасным, было смято и раздавлено в одночасье. И нужно отдать должное американскому духу, который не только не был сломлен, но еще сильнее сплотил нацию.

Последовавшие за терактами войны в Афганистане, Па-

кистане, Ираке, Ливии и Сирии, конечно же, не сделали мир более безопасным и устойчивым. Американцы могут вполне себе считать, что всех целей, поставленных в начале конфликтов, они добились, поэтому вывод вооруженных сил в 2021 году был определенно нужен и оправдан. Но общие человеческие потери за двадцать лет войны, а также сформировавшееся потерянное поколение, которое ничего, кроме как воевать, не умеет, откинуло народы этих стран в прошлое. Более самостоятельное население покинуло родину и переселилось в Европу. Строить заново, с нуля, не имея никаких компетенций и обученных для этого людей, очень тяжело. Как бы ни была богата земля полезными ископаемыми, самый главный, основополагающий ресурс – это всё-таки люди.

Когда я поступил на первый курс университета передо мной встал, как и перед любым молодым человеком, вопрос о заработке. Подошёл к концу сентябрь, у детей из общежития, в котором я жил, закончились деньги. Другого слова подобрать мне не позволяет моя совесть: конечно же, это были дети, им было по восемнадцать лет, но тот уровень жизни, который поддерживался их матерями, не позволял им быть самостоятельными. Мы можем только с восхищением перечитывать страницы романа «Обломов», где рассказывается о воспитании Андрюши Штольца, но мы сами своих детей будем оберегать, холить и лелеять, пока вконец не угрожим их жизнь своей опекой. Так вот, синдром первокурсника заста-

вил этих детей звонить родителям и просить денег, помимо всякого провианта, который они, кстати, регулярно получали из дому. Я же знал, что, кроме мешка картошки и овощей с огорода, мне ждать нечего. Я и раньше никогда не сидел без работы, с момента моего первого заработка на велосипед я уже пробовал себя и маляром, и отделочником, и плиточником. Но в этот раз я решил вопрос куда проще: возле университета, на Караульной горе, стояла школа, куда я и устроился сторожем. Вечером я закрывал все двери, устраивался на кушетке и спал до шести утра, проснувшись, открывал школу и после сдачи смены шёл на занятия.

Как-то, чувствуя пробуждающийся голод, я заглянул к соседям по общежитию, которые были примечательны тем, что оба были из Якутии: эвенк Вася и якут Егор.

Надо сказать, что разговаривали они по-русски очень мало и плохо, между собой общаясь в основном по-якутски. В комнате стоял устойчивый запах «Доширака» или «Роллтона»; было понятно, что их пищевой рацион опирался на этих производителей лапши. Когда мы разговорились, мне предложили запарить этот фантастический деликатес, заметив, что сами они ели не так давно. В поисках пакета лапши я открыл холодильник и оторопел: полки были завалены различными продуктами, а морозильник забит до отказа мясом, в общем, для приготовления нормальной пищи было абсолютно всё, что нужно. Отказавшись от поиска лапши, я сходил к себе в комнату за картофелем, захватил лук и морковь и тут

же вернулся к моим вновь приобретенным друзьям.

– Егор, а почему вы не готовите еду? У вас же полный холодильник продуктов.

– Ванёк, мы не умеем, недавно уже как-то варили мясо, а что дальше делать, не знаем.

По соглашению сторон о взаимной кооперации, было выдвинуто решение приготовить гороховый суп, именно эти бобовые я увидел на полке рядом с солью. Мы разделили обязанности: Вася нарезал мясо, Егор сходил за водой и замочил горох, я сел чистить овощи. После того как мы совместными усилиями сотворили целую кастрюлю горохового супа, счастью моих друзей не было предела. Практически сразу мы уговорили эти три литра с буханкой бородинского хлеба, а потом довольные и сытые якуты завалились на кровать пузом кверху.

Мне пришлось покинуть товарищей на какое-то время, вполне возможно, что меня не было неделю. Когда я открыл дверь комнаты своих соседей, на меня стал переть буром уже совсем другой запах: в помещении стояла такая густая и непрошибаемая вонь, что, казалось, будто они пердели всю неделю и ни разу не проветривали. Спасая своё обоняние от газовой атаки, я раскрыл дверь и окна настежь.

– Вася, вы что тут устроили? Осталось только спичку поджечь, и взлетим все на воздух.

– Это, наверно, от супа твоего так получилось. Мы уже неделю его варим.

– Вась, а другую крупу, не горох, засыпать в кастрюлю почему не догадались?!

– Ванёк, ну ты такой интересный, ты же нам это не показывал ещё!

На столе стояла кастрюля с ошметками только что съеденного горохового супа. Я понял, что нужно опять спасти своих друзей, но теперь уже от неминуемого отравления метаном после такой диеты. Мы опять сварили мясо, почистили овощи, но теперь вместо гороха добавили мелкую лапшу. Прекрасный обед был на столе, мы попробовали – получилось очень вкусно. А я понял, что моих товарищей нужно немного контролировать.

Моему любезному читателю нужны будут небольшие пояснения, которые касаются этих замечательных детей из прекрасной Якутии. Я их, конечно же, дам, тут всё очень просто: в самом большом регионе России есть улусы, это такие районы с муниципальным управлением, называются они так же, как центральное поселение. Внутри этих улусов есть наслеги – сельские поселения, которые зачастую называются так же, как центральное сельское поселение. Один улус по площади может занимать территорию нормального европейского государства, типа Венгрии, Болгарии или Чехии. Жить же в одном наслеге может как несколько тысяч человек, так и несколько сотен, так что организовывать полную среднюю школу для таких малочисленных поселений нет возможности. Учиться в начальной школе можно и в своём наслеге,

но для того, чтобы окончить среднюю школу, надо ехать в районный центр улуса, иногда за сотни километров. Поэтому в районных центрах существуют школы-интернаты, куда дети приезжают в десять-одиннадцать лет и живут дальше без мамы и папы, возвращаясь в родные наслеги только на летние каникулы.

Естественно, в интернате организовано питание и созданы все условия для полного проживания, так что никто не учит детей готовить себе еду или клеить обои. С последнего навыка мы и начали наше дальнейшее знакомство с жизнью взрослого человека. Я сварил клейстер, Егор сходил за обоями, мы с Васей нарезали их на полосы, и все вместе обклеили всю комнату буквально за день. Затем мы немного прибрались. Я убедил друзей, что будет намного лучше, если поверх дырявого линолеума мы положим ковролин, и наш следующий свободный день был посвящен выбору и укладке этого напольного покрытия. В помещении стало гораздо опрятнее и уютнее. Я объяснил ребятам, что разуваться лучше на входе, что надо делать сухую и влажную уборку хотя бы раз в неделю. В общем, эти детки стали взрослыми мужиками, которые смогут о себе позаботиться, организовать быт и уют в доме. Не последнюю очередь в этом становлении сыграл, конечно же, русский язык.

Пока мы наводили порядок, нам нужно было обсуждать какие-то рабочие моменты, ребята очень быстро все схватывали и понимали меня с полуслова. Позже я заметил, что

оба начали общаться с одноклассниками, а ведь раньше они смотрели букой и практически ни с кем не разговаривали. Дальше стало совсем интересно – мои друзья ударились в чтение. Однажды я застал Васю с книгой философа Лосева. Для меня это было полнейшей неожиданностью, потому что понять, как он на неё вышел и что ему показалось интересным в этом увесистом томе в шестьсот страниц, с «умным» названием, было абсолютно невозможно.

Прошёл год. Мы успели пройти дистанцию от практически не говорящих по-русски детей до умудрённых опытом и жизненными знаниями мужей. И тут случился любопытнейший курьёз. Ребята всё больше разговаривали между собой по-русски, и вдруг их статусу билингва встретилось серьёзное испытание – надо было позвонить домой и пообщаться с родными. Мы с Васей пошли на почту, он заплатил за таксофон и зашёл в кабинку. Когда начался разговор, я заметил на лице моего товарища выражение какого-то задумчивого напряжения; мама очень быстро говорила ему что-то по-якутски, а он, уже отвыкнув от родной устной речи, въезжал в неё с трудом и лепетал что-то не особо уверенно. Мне очень нравятся на этот счёт слова Шерлока Холмса про сравнение человеческого мозга с чердаком для хранения вещей, но я всё же уверен, что любой навык, а особенно навык устного языкового общения, необходимо постоянно развивать, иначе он утрачивается, и слова уже не так ловко вылетают изо рта. Чтобы закончить эту историю, хочу сказать, что каждый

нашёл свою якутяночку и стал отцом замечательных детей.

Помимо поступавших в университет сразу после школы, были ещё и те, которые стали учиться дальше и окончили техникум. Как раз из одного такого техникума в Улан-Удэ и были мои соседи по комнате. Мы жили вчетвером, ходили на занятия – каждый по собственному расписанию, общались и делились проблемами и достижениями в учёбе. Я до сих пор благодарен судьбе и коменданту общежития за свою жизнь с бурятами. Мы очень быстро нашли общий язык, так как они отучились четыре года в техникуме и разительно отличались от тех детей, которые прилетели в общежитие из-под крыла своих мамочек. У нас в комнате сразу было составлен график уборки, еду мы готовили сообща, готовились к занятиям, не мешая друг другу. Они понимали, что, приехав за полторы тысячи километров, нет никакого смысла пропускать учебу и валять дурака.

Программа для трехлетки, после техникума они учились не пять лет, как мы, а всего три года, была составлена с включением базовых школьных предметов: химии, английского языка, математики, физики. Понятно, что в техникуме никто не делал упор на их изучение, и давались они ребятам теперь с трудом. Мне было достаточно легко слиться с их группой, поэтому иногда я помогал им на контрольных срезах и на зачётах по предметам. Однажды я вытащил всю группу на зачёте по английскому языку, каждому из них давали небольшой кусочек текста, необходимо было перевести и зачитать

перевод преподавателю. Сидя в аудитории на задней парте, я диктовал то сидящему слева, то сидящему справа по одному предложению, они очень быстро записывали и шли отвечать с готовым текстом. В общем, между нами сложилась крепкая дружба, вся группа знала меня в лицо и очень уважала.

На одном из мероприятий землячества студентов из Бурятии мне предложили сходить на дискотеку в местный клуб вместе со всей группой. Дело было в субботу вечером, у меня был на работе выходной, и я решил, что это хорошая идея. Довольно быстро добравшись до клуба, мы заполнили собой почти всё помещение. Нас было человек двадцать, и здесь кучковалась ещё и местная молодёжь, но я не думаю, что мы как-то особо мешали друг другу. Однако очень скоро вечер перестал быть томным. Вычислив меня как звено, отличающееся от компании бурятских парней и девушек, какой-то верзила стал толкать меня и взглядом приглашать на выход из заведения. В принципе, я понимал, что ничего хорошего меня на улице не ждёт, вроде каких-то дежурных попыток вымогательства денег, но трусить и убегать никогда не было в моих правилах. Вытолкнув меня наружу и преграждая мне пути для побега, верзила достал из кармана кастет и начал примерять его то на левую, то на правую руку, объясняя мне всю ничтожность той суммы, которая будет вынута у меня из кармана.

Внезапно из клуба высыпала вся группа бурятков и взяла нас с верзилой в аккуратный кружок. Я был абсолютно

уверен, что драки не избежать и агрессор попытается хотя бы защитить свою поруганную честь и вмазать кастетом по нескольким лицам. Но тут слово взял мой сосед по комнате Миша: он развернул наш диалог на сто восемьдесят градусов и объяснил верзиле, что любому человеку в городе, который попытается связаться со мной или с его товарищами по группе, будет так плохо, как никогда и не снилось. Разумеется, Миша разбавлял суть сказанного доступной ему лексикой по фене, чтобы верзиле было легче переварить. Как ни странно, хулиган убрал кастет и поспешил ретироваться, мы же все вернулись в клуб.

В пику этой истории хочу рассказать другую, когда мне было стыдно за своих одноклассников. Все происходит зимой. Точно такая же дискотека в клубе, но в Ачинске, не помню, в каком мы классе, но нам по семнадцать лет. Все танцуют, общаются, я замечаю, что парней из моего класса в помещении нет, может быть, все они двинули на улицу глотнуть свежего воздуха. Я одеваюсь, выхожу на площадку перед клубом и вижу точно такой же кружок. Вхожу внутрь, вижу всех моих одноклассников и других парней из нашей школы, а в центре какой-то коротышка явно младше нас лупит ногами Серёгу из моего класса, а тот стоит и то ли от неумения драться, то ли от эмоций никак не закрывается и не отвечает. Я отвешиваю коротышке пинка, вытаскиваю Серёгу из круга и начинаю уводить его от возмущенной вагаги. В след мне кричат что-то наподобие «сами разберутся»

и «ты не должен был влезать», но мне так обидно из-за предательства одноклассников, что я не отвечаю и иду вместе с Серёгой до его дома.

Что, вы думаете это случайность? Это какое-то стечение обстоятельств? Нет, держите ещё одну, почти такую же историю. У нас в школе урок астрономии, преподаватель по физике, которая ведёт у нас этот предмет, приглашает вечером посмотреть на звёзды в телескоп. Ну замечательно, все собираемся в школе к назначенному часу. К сожалению, мы не запираем дверь школы, что оказалось впоследствии крайне опрометчивым поступком. Смотрим, любимся на звезды. Нас, наверное, человек двадцать, парней и девушек примерно поровну. Свет в зале на верхнем этаже школы мы не включали, в окнах темно. Внезапно забегают на этаж тролица каких-то посторонних людей. Я мгновенно сообразил, что они осведомлены о нашем присутствии. Они сразу же начинают месить всех без разбору и без объявления войны. Я всегда был не дурак подраться, поэтому никуда не убегаю и связываю своим сопротивлением двоих нападавших. Третий получает отпор от моей одноклассницы Анечки. Пока мы весело буцкались, почти все разбежались. Так как преподаватель физики не могла убежать и оставить нас наедине с нападавшими, она поспешила к рубильнику включить свет. Как раз в этот момент кто-то выключил свет мне – ботинком по лицу, я выпустил из захвата товарища, с которым нас соединяла взаимная ненависть. Зажегся свет в коридоре, учительница

с грозными криками стала возвращаться к месту побоища, а троица устремилась к выходу из школы. Мне было обидно за свою физиономию, и я пустился за ними в погоню, но, видимо, так сильно болел от ударов живот и горело лицо, что пришлось остановиться на крыльце и прокричать какие-то угрозы им вдогонку.

На следующий день у нас с одноклассниками состоялся весьма впечатляющий разговор.

– Толя, ну ладно эти малахольные разбежались, но ты-то в два раза меня сильнее, в спортзал ходишь, штанги такие тягаешь, с гирями управляешься как с коробками спичек.

Толяша молчит, не оправдывается.

– Ваня, ты не понимаешь, мы знаем этих людей, они нас потом по одному пощелкают.

– Послушайте меня, ребята, и запомните мои слова раз и навсегда. Если мы будем бросать друг друга в драке и не защищать наших девушек, то нас любой сможет пощёлкать, кем бы он ни был. Аню нашу никто больше не тронет, потому что будут знать – она может за себя постоять. А вы так и будете бегать и прятаться, как трюсы, потому что однажды испугались получить по морде.

Чтобы закончить тему мужского воспитания, я добавлю небольшую совсем историю из школьной жизни в Казахстане. Там, как и везде, школьники иногда дерутся, причём я всегда только защищался. Мама подарила мне наручные электронные часы с кукушкой, которые произносили время

голосом, это было очень необычно, и часы мне жутко нравились. На переменах я забредал под лестницу и нажимал на кнопку, чтобы послушать, как они говорят время. Мне не хотелось, чтобы одноклассники завидовали, и я не делал это при них. В очередной раз зайдя под лестницу, я неожиданно встретил там парня из старшего класса. Он недвусмысленным образом попытался снять часы у меня с руки, но я оттолкнул его, и он затылком ударился об бетонные ступени. Между нами завязалась драка, я один раз удачно попал ему в челюсть, его рука в этот момент держала меня за рубашку, послышался треск рвущейся ткани, и я решил, что мне пора убираться. Домой я пришёл с тяжёлым чувством, но, по крайней мере, часы мои были у меня на руке. Мама не стала меня ругать, хотя я ничего ей не рассказывал, но зашивая рубашку, тяжело вздохнула и изрекла:

– Тебя побили.

– Нет, я подрался.

– Если бы ты дрался, то рубашку зашивали бы в другом месте.

* * *

Мне очень трудно себе представить чиновника или начальника любого уровня в Лондоне, Пекине, Париже или Берлине, который бы говорил своим гражданам: а давайте сделаем как в Москве, пусть у нас будет как в России. Никто

в мире, кроме нас, не использует шаблонные решения, тем более не пытается сделать как у нас. Это величайшая глупость, идя вслед за кем-то, ты никогда не будешь первым. Однако в год моего поступления в университет наша страна присоединяется к Болонскому процессу, на следующий год после моего выпуска уже стали набирать бакалавров и магистров, я, к своему удовольствию, окончил учебное заведение в качестве специалиста – инженера.

Что происходит дальше? В 2023 году, после двадцати лет блуждания по пустыне, отец наш родной вывел из Болонской системы высшую школу России. А теперь внимание, вопрос: зачем мы вообще туда входили? Что нам там было нужно, кроме затрат на лишние бумажки-дипломы, которые мы сами у себя даже не признаём? Неужели мы думали, что кто-то в мире примет за чистую монету эту профанацию, которая на самом деле является лишь потемкинской деревней? Человеческий капитал точно так же, как и любой предмет из реального мира, либо есть, либо его нет вовсе. Что вам скажет продавец в магазине, если вместо денег вы попытаетесь всучить ему фантики?

Когда мною принималось решение о поступлении в университет, я руководствовался двумя очень простыми соображениями: необходимо узнать как можно больше о том крае, где предстоит жить и работать; надо стараться делать что-то полезное, то, что будет действительно востребовано. Поэтому выбор пал на лесоинженерное дело: мне оно представля-

лось наиболее сообразным с центром Сибири, а профессию инженера до сих пор считаю одной из наиболее важных, наряду с профессией педагога и врача. Я не бежал за модой на юристов, экономистов и управленцев, мне почему-то всегда казалось, что важнее заниматься саморазвитием и собственной территорией, что починить дверь в подъезде и заменить трубопровод в садовом обществе гораздо важнее, чем триста раз написать, посчитать и сказать об этом.

Моя ещё советская университетская профессура, которой я до сих благодарен, видимо, перед выходом на пенсию, поклялась самой себе, что не выпустит с дипломом инженера ни одного идиота. На первом курсе поток состоял из ста пятидесяти человек, по тридцать в группе. В моей группе до диплома дошли девять человек, а защитились – восемь. Общая картина по потоку не сильно отличалась от нашей: думаю, из первоначального количества студентов навряд ли осталось больше пятидесяти человек. Причём все пять лет нас драли как сидоровых коз, к чести преподавателей, не было ни одного момента, когда бы кто-то пожалел нерадивого студента. Даже эпизод заключительной стадии работы над дипломом был потрясающе показательным. Я несу диплом на рецензию экономисту, дабы получить одобрение своим выкладкам по экономической части. Она берёт мою уже подшитую рукопись, видит, что там много воды не по делу, выдирает прямо из середины все листы моей «экономики», закрывает ее и отдаёт мне обратно, произнося тоном, не тер-

пящим возражений: «Защищайся как инженер!»

Диплом я защитил на отлично. Получив этот условный вексель на выходе из вуза, мне стало понятно, что образованный человек – не тот, кто всё знает, а тот, кто знает, где достать то, чего он не знает. Конечно, попыток найти работу по специальности была уйма, но я продолжал параллельно пополнять свой багаж знаний, не останавливаясь и не закливаясь на уже пройденном. Рынок труда говорил мне о том, что очень часто платят не столько за знания, сколько за условия, в которых ты работаешь. Мастер на производстве в городе получает почти столько же или даже меньше, чем любой рабочий на вахте в условиях Крайнего Севера. Когда мне пришёл вызов на работу вахтовым методом стропальщиком, я ни разу не усомнился в правильности своего выбора, собрал сумку и поехал.

За три года я заработал на двухкомнатную квартиру, получил повышение и женился. Конечно же, был пройден достаточно сложный путь, и преодоление трудностей стало нормой, но в конкурентных условиях это ожидаемый итог. Вполне возможно, нашей университетской профессуре хотелось видеть нас на руководящих постах лесопромышленных предприятий, но для этого недостаточно одного желания. На самом деле важно понимать другое – жить нужно для того, для чего ты родился, и совсем не обязательно там, где родился.

Следующий аспект образования – в педагогические вузы

идут те, кто не тянет, отстающие по баллам ЕГЭ выпускники школы. Кто получается на выходе? Если учесть уровень заработной платы таких специалистов на старте, то выходят ничем не мотивированные и занятые выживанием люди. Зачем они пойдут в школу, техникум или вуз? Круг замкнулся, и выйти из него можно, только создав конкурентные условия. Надо позволить государству отбить свои кровные за бесплатное образование в счёт трехлетнего гарантированного контракта с молодым педагогом-специалистом. И конечно же, надо поднять уровень заработной платы учителя на совершенно другой уровень: человек должен быть обеспечен средней зарплатой по региону при приёме на работу. Пока он получает только половину, никакие увещевания и плюшки на него не подействуют. Педагоги будут искать себя в других отраслях, никто из них в школу не придёт.

Те, кто хочет иметь диплом, который будет котироваться в Европе, поедут и отучатся в Европе. Если человеку требуется образование, которое будет актуально в Америке, он поедет и отучится в Америке. Смысла в том, чтобы бездумно копировать чью-то систему, нет никакого, наоборот, надо сделать так, чтобы ехали учиться к нам, чтобы нашу систему ценили и ставили в пример во всем мире. Но для этого надо честно создать конкурентные условия, чтобы диплом был не просто бумажкой, а самым престижным подтверждением знаний и компетентности человека. Для начала можно просто повысить возраст начала армейского призыва до сро-

ка окончания вуза (сейчас его хотят установить на отметке двадцать один год), в большинстве своём люди заканчивают учиться в двадцать два – двадцать три года. Сразу убирается мотивация поступать в вуз только чтобы не идти в армию. Я был крайне удивлён, когда на третьем курсе мне выдали в военкомате военный билет. В университете не было военной кафедры, никаких сборов я не проходил и после окончания вуза никто меня в армию брать не собирался. Окончил вуз, сходил в армию, устроился на работу – очень понятная и адекватная стратегия гражданина Российской Федерации.

Вторая важная задача – закрыть все филиалы и все шарашки, в которых торгуют дипломами. До тех пор, пока документ об образовании можно будет купить, ни разу не открывая книгу, ничего хорошего не будет. Самое порочное место – это зачёрсанные под государственные институты частные лавочки, которые торгуют липовыми свидетельствами, справками и дипломами. Пока у нас не будет добросовестной конкуренции в сфере образования, в России не появится свой МИТ, Стэнфорд и Гарвард. Все три этих заведения частные, они выиграли в конкурентной борьбе за право называться лучшими по всем рейтингам. Только частный университет, который не примазывается к государству и нанимает лучших преподавателей из лучших, начнёт собирать самых лучших студентов со всего мира. Только эти студенты, безо всякого Сколково, сделают место своей учёбы и работы магнитом для притяжения инвестиций ведущих глобальных

компаний. Идея скопировать Кремниевую долину такая же провальная, как и идея скопировать Болонскую систему.

Вообще само желание перепрыгнуть через несколько ступенек, достигнуть чего-то очень быстрыми и ударными темпами – это очень опасное желание, можно упасть и разбить себе колени в виде своих избирателей, локти в виде трудящихся над этим проектом и лицо в виде конечных исполнителей и потребителей этой утопии. Как только мы научимся работать на потребителя, планировать на долгосрочную перспективу, не ждать результатов здесь и сейчас, а упорно конкурировать за место в национальной и глобальной экономике, у нас всё обязательно получится. Нельзя никому понравиться насильно, заставить людей находиться в стране любыми способами и за любые деньги тоже не выйдет, голодные всегда победят сытых, поэтому надо менять подход и создавать конкурентные преимущества, работать только через мягкую силу – язык, образование и культуру.

Чтобы закончить с этой мантрой, разберём понятие «культура». Латынь отсылает нас к какому-то земледелию, что, очевидно, означает «обработка земли», «выращивание». Но если мы абстрагируемся от привязки к земле, то в общем смысле культура – это возделывание человека, обработка его восприятия мира посредством искусства, ремесла, каждодневного труда и жизненного опыта с целью зародить в нём новое, необходимое для воспроизводства, а значит, и необходимое для существования. Как это работает на про-

стных примерах? Возьмём передачу опыта и знаний от старших к младшим: если есть связь поколений, то образ мыслей, действий и поступков передаётся. Если поколения ничем не связаны, никогда не перемешиваются и не вступают в прямой контакт друг с другом, значит, культура вырождается. Как это происходит в наше время?

У меня есть друг и сосед, который родился в 1939 году, он практически ровесник моей бабушки. Его семья переехала из Китая ещё во времена СССР. Он окончил русскую школу, учился в нашем вузе, работал в Академгородке и на закате советской эпохи пытался продвигать развитие микроэлектроники в стране, поскольку понимал, что это будет критически важным направлением в будущем. Мы общаемся, делимся мыслями и обмениваемся цитатами из Библии, в общем, прекрасно проводим время. Я помогаю ему с трудностями бытового характера, он помогает мне с идеями для моей писанины, причём сам того не подозревая. Где же его дети и внуки, спросите вы. Это хороший вопрос. Сын живёт в другом городе России, внучка – в штате Калифорния другого государства. Ну, вполне возможно, он уже им всё передал, что должен был, скажете вы и будете не правы. Потому что у потомков внучки в Америке через пару поколений будет уже другая культура, они будут разговаривать на английском языке. Да и её дети вряд ли будут знать русский.

Ну, хорошо, допустим, нравится нам копировать, но это же нравится не только нам. Китай, Индия и вообще любые

страны приобретают зарубежные производства – это общечеловеческая такая история. Но после того как ты слепил тысячу машин и спел тысячу песен на чужой манер, хоть и на своём языке, вдруг наступает момент, когда тебе перестаёт это нравиться. Ты внезапно понимаешь, что в той мелодии есть чужие мотивы, в той машине есть чужая традиция, всё это уходит в глубь веков чужой истории, и вот наступает изумительный миг творения, когда на бессознательном уровне твоя культура и всё то, что тебя взрастило, открывает тебе новые смыслы и новые грани. Предмет твоего копирования становится совершенно другим. Да, это всё ещё машина, и ты продолжаешь петь песню, но форма и содержание перерождаются и приобретают родные черты, свойственные тебе самому, твоей натуре и твоим истокам.

Мне кажется, в полной мере силу русской мысли можно выразить только в сопоставлении, зачастую парадоксальных противоречиях и образах контраста: как сажа бела, вода камень точит, лиха беда начало, дело мастера боится, без ножа зарезал, сапожник без сапог, уговор дороже денег, яйца курицу не учат. Это очень перекликается с китайской мудростью: наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты; единственная настоящая ошибка – не исправлять своих прошлых ошибок; лучший бой – это тот, которого не было. Но здесь мы можем увидеть и различия, китайцы как старшие дети в семье – они более ответственны, объясняют свою модель без претензии на главенствующее положение,

тихи и скромны, как вода. Русские дети помладше, они разухабисты и геройски отважны, но их нельзя оставлять одних, иначе – сгорел амбар, гори и хата. Потрясающее чувство справедливости и постоянный поиск правды толкает их на самые страшные подвиги, в которых они уже не считаются ни с потерями, ни с угрозой собственному существованию.

Даже то, как при переводе на русский у разных авторов сонеты Шекспира приобретали замечательно разное звучание, свидетельствует о замечательной способности сохранения культуры в языке. То же самое можно сказать и обо всех версиях современных песен, переведенных на русский и спетых под оригинальную музыку. Эта традиция даёт нам ключ к пониманию особенности европейской и азиатской культуры сохраняться в русскоязычном облики; способность к постоянной ассимиляции и полнокровному взаимному проникновению обуславливает уникальность этого сочетания. Причём мы же видим, насколько бережна и благодатна русская почва для любых иностранных слов, значений и смыслов, она сохраняет суть, но даёт силу и красоту в том буйном росте, который они приобретают: алтыном воюют, без алтына горюют; выбирай епанчу по своему плечу.

Однако надо задать самим себе вопрос: продвигаем ли мы русский язык на международном уровне? И надо честно признать, что не продвигаем совсем. Об этом можно судить и по количеству иностранных студентов: в схожей географически Канаде учится 550 тысяч иностранных студентов, в Рос-

сии всего 350 тысяч, по этому показателю мы занимаем только шестое место. Если взять тестирование по русскому языку как иностранному (ТРКИ), которое, по сути, должно быть онлайн-аналогом международных экзаменов по английскому IELTS и китайскому HSK, то мы не предлагаем проверить знание нашего языка во многих странах, включая самую большую по населению страну в мире Индию. Для жителей этой страны вообще не понятно, как учиться в России, ни на одном сайте Российского университета нет вкладки на хинди. Английский выучи, потом приходи – видимо, так это видится Министерству науки и высшего образования.

Допустим, я хочу выучить русский язык и проживаю в Индии или Бангладеш, мой родной язык хинди или бенгальский, но я немного понимаю английский, потому что этот предмет был у меня в школе. Каковы мои шансы выучить русский, поступить в российский вуз и, окончив его, вернуться домой и успешно работать? Эти шансы стремятся к нулю, потому что онлайн-приложений для изучения русского языка в Индии и Бангладеш не существует. Ну и русских школ или курсов по изучению русского языка на территории этих стран тоже нет. Вполне возможно, кто-то скажет: ну и что, нет российских интересов в этих государствах, поэтому и язык не продвигается. Но это неправда, строительство атомных электростанций Руппур в Бангладеш и Куданкулам в Индии, множество других экономических и инвестиционных проектов говорят о том, что интересы есть и их потен-

циал огромен.

Экономика этого региона выросла за тридцать лет (с 1990 года по 2020) в девять раз. Для сравнения экономика США и России выросла всего в 3,5 раза. Понятно, что экономика Китая выросла существенно (почти в двадцать два раза), но, начиная с 2022 года, численность населения этой страны будет неуклонно сокращаться, а в Индии и Бангладеш прирост населения будет продолжаться ещё до середины века, пока не произойдёт демографический переход. Если мы сумеем перетянуть влияние на этих людей в свою сторону, то во вновь складывающейся картине мира можно будет спокойно забыть про слово «Запад». Мы должны круглые сутки рекламировать наше религиозное разнообразие, традиционные ценности и дружбу народов. Ну и, конечно же, продавать своё образование, культуру и язык.

Когда я смотрю на индусов в Бенгалуру, которые из жары заходят в снежный городок и резвятся там как дети, катаясь на ледяной горке и играя в снежки, я понимаю, что мы просто обязаны пригласить их в Россию. Если я вижу людей, которые стирают на реке бельё, кипятят его в щёлоке и раскладывают прямо на земле для просушки, мне становится ясно, что Западу они не нужны. Америка просто использует их по методичке Тимоти Феррисса, которую, по-честному, надо было бы назвать «Как эксплуатировать индусов двадцать четыре часа в сутки и не платить им то, что они заработали». Это же гениальная идея – открыть за копейки офисы всех

самых крупных корпораций в одном городе, нагрузить индусов работой за гроши, а самим создавать видимость занятости по четыре часа в неделю. Особенно отличившихся рабов потом можно будет выписать в Америку, чтобы уже совсем сесть им на шею и рассказывать, как замечательно быть свободным в самой демократичной стране мира.

Им не нужна образованная Индия, им не нужны их культурные традиции, а хинди им как кость в горле, лучше же разговаривать по-английски, тогда они наденут на них ярмо и будут понукать зеленой бумажкой до конца жизни. Почему американцы со своей тактикой рабовладения не успешны в Бангладеш? Почти 90 % населения этой страны исповедуют ислам. Ростовщичество и скупость, а также склонность к расточительству порицаются шариатом и не должны присутствовать у правоверного мусульманина, а о браке с иноверцами не стоит и говорить. Когда у моего друга был хадж, он спросил у меня, что привезти в подарок с места паломничества. Я попросил у него лишь небольшую частицу святой земли: «Подними с дороги в Мекке маленький камешек и привези мне». Хаджи Фарух привёз мне этот камешек и вместе с ним подарил флакончик масляных духов, который посоветовал хранить рядом. Именно так правоверные мусульмане чтут Коран: дай больше, чем у тебя попросили, и тебе воздастся за это. Никогда не бери и не давай деньги в рост, не трать их напоказ, не лги, не укради и не поднимай руки на женщину и ребёнка – базовые принципы, с которыми трудно

не согласиться.

Уважение к традициям и обычаям любого народа, почитание его главных святынь всегда объединяло наших людей и делало родственниками на одной земле. Будет ли это православный храм, мечеть, дацан или синагога – наш человек будет максимально почтителен, он никогда не будет мешать службе своим телефоном или громким разговором. Способность уважать друг друга и охранять святыни – это то, что может и должно нас связывать веками. Не следует умножать зла на земле: как только плохое слово или необдуманный поступок закрадывается в нашу жизнь, мы сразу должны гнать их от себя прочь.

Китай, как «государство посередине», влияет, конечно же, на своих соседей Индию и Бангладеш, но это влияние целиком лежит в сфере прагматичных интересов китайцев заработать на растущей экономике, они не пытаются воздействовать на них культурой и тем более не общаются с ними языком. Китайцу и индусу гораздо проще разговаривать друг с другом на английском, чем выучить сложный язык соседа. Гораздо большее влияние будет оказано в сфере технологий и энергетики, Китай уже сейчас планирует запустить несколько крупных ГЭС на Ганге и Брахмапутре. В дальнейшем он станет успешно продавать им свои автомобили, строить дороги и мосты, но смешения культур не произойдёт, это будут чисто деловые партнерские отношения.

Япония помогает Бангладеш строить метро в самом гу-

стонаселенном городе планеты Дакке, столице этого государства. Китайцы и японцы поставляют легковые машины и автобусы, строят скоростные автомагистрали, конечно же, всё это имеет сугубо коммерческий интерес, но если бы они видели, как используется этот транспортный комплекс, то были бы крайне удивлены. В Дакке практически нет светофоров и пешеходных переходов, люди перебегают через дорогу, где им вздумается, автобусы едут переполненные, иногда с пассажирами прямо на крыше. Вело- и моторикиши создают огромные пробки на пути движения общественного и коммерческого транспорта, они пересекают проезжую часть безо всяких правил дорожного движения, едут по встречной полосе и мешают не только автобусам, но и друг другу. Количество старых автобусов, больше похожих на утиль, настолько велико, что любое ДТП может привести к серьёзному количеству человеческих жертв. Говорить в этом случае про технику безопасности и хоть какую-нибудь культуру поведения на дороге не приходится. До тех пор пока рикши не будут заменены на микроавтобусы и такси, а в городе не создастся более-менее устойчивое соблюдение правил дорожного движения, ситуация в мегаполисе, естественно, будет только ухудшаться.

Только образование может дать жителю Бангладеш и Индии информацию о способах привлечения иностранного капитала в страну, о возможностях собственных инвестиций в основные средства производства и транспорта. Чем боль-

ше будет появляться людей, которые смогут изменить свою страну, тем быстрее они войдут в фазу индустриального производства. Как мне кажется, надо просто напоминать этим людям, что у них есть на континенте друзья, которые могут прийти на помощь и «разминировать Бенгальский залив», как в начале 70-х.

Говоря о друзьях на континенте и выполнении интернационального долга, необходимо обязательно поднимать вопрос коммуникации внутри страны. Возле телевизора в комнате общежития сидит человек, он в самом негативном ключе воспринимает информацию, которая льётся на него с экрана, и ругает на чём свет стоит всех и вся. Когда я прошу его выключить этот дьявольский ящик и не портить себе настроение, а поговорить со мной, он продолжает упиваться своим бессильным разговором с бездушным экраном.

Моего товарища по работе зовут Анатолий Николаевич, он был в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане, назовём это так. Выполнение интернационального долга в этой стране оставило в его душе неизгладимый след, он никогда не говорит об этом, а в минуты сильного опьянения, видимо, вспоминая о тех днях, тихо сокрушается и засыпает. Я не хочу задавать ему вопросов на эту тему, но мне кажется, если бы ему по телевизору сказали, что наше и все последующие поколения никогда больше не допустят агрессии, что мы будем разговаривать друг с другом и строить страну для счастья, то он бы поверил. Он никогда не

сказал бы: «Скорей бы война, да в плен сдаться».

Он же надеялся на то, что на нас нападёт какая-нибудь цивилизованная нация, типа немцев, тогда конечно, по его мнению, можно идти поднимать руки и уже лет через десять ездить на мерседесе...

Потом наступает война, он, естественно, не сдаётся в плен, потому что для него, наверное, это всё равно что сдаться своим – жизнь-то от этого не изменится!

То, что он видит по телевизору, не оставляет ему надежды. Хотя, в пику этому, я не могу сказать, чтобы хоть раз видел его подавленным или в унынии, он очень любит жизнь. Просто мне хочется всегда ему рассказать о плате за говорящие головы в телике, о том, что деньги за это чудовищный цирк он уже отдал из своего кармана и эту помойку не обязательно разглядывать по принципу «раз уж уплачено». Но я не решаюсь, и человек дальше сидит в телевизоре, периодически проклиная происходящее на экране и получая облучение самого нехорошего свойства.

Оказалось, что жизнь гораздо сложнее умозрительных конструкций, что бедность никуда не уйдёт, что пятьсот человек так и будут контролировать сорок процентов всех финансов в стране, несмотря на то, что корабль дикого капитализма плывёт уже тридцать лет. С другой стороны, в этом эпизоде мы опять встречаем выученную или приобретенную беспомощность, с которой столкнулись в истории с солью земли русской, воином Алёшей.

Давайте проанализируем территорию и население страны. Все 17 миллионов квадратных километров – это совершенно абстрактная вещь, надо понять, что районы вечной мерзлоты занимают 60 % всей площади. Никто не будет жить на Таймыре, в арктических районах Якутии и Чукотки по доброй воле, не нужно себя обманывать. Мы можем вспомнить пример Канады, где 80 % всего населения проживает на расстоянии не более ста пятидесяти километров от границы с США. Так вот, 7 миллионов квадратных километров уже можно сравнивать с Бразилией или Австралией. Причём, мы, конечно же, должны учесть то, что климат на пригодной для проживания части России сильно отличается от климата в Бразилии и Австралии.

Что нам дадут подобные сравнения? Мы сможем уйти от манипуляции из телевизора, где нам постоянно рассказывают, что мы самые большие, богатые и умные. Зачем желать большего, мы и так в пятёрке стран по экономике, говорит нам проповедник с экрана. Ну, во-первых, если брать по номиналу, то мы уже даже не в десятке, та же Бразилия нас обошла. Во-вторых, почему нужно обязательно считать какие-то макропоказатели, почему бы не взять обычную заработную плату? В Германии средний уровень зарплаты в шесть раз больше, чем в России. Может быть, надо перестать врать самим себе и начать что-то делать с этим? И наконец последнее, если у нас такое образованное население, о чем нам тоже постоянно рассказывают, то почему Япония (площадь

составляет всего 2 % от площади России) входит в тройку крупнейших экономик мира, а мы нет?

Может быть, дело в качестве этого образования и в желании что-то изменить в своей жизни? А может быть, всё дело во внутренней коммуникации? Вспомните, когда последний раз вы знакомились с новыми людьми вокруг вас, когда это знакомство было не ради денег, повышения на работе или другой личной выгоды. У нас отсутствует диалог, каждый занят своим собственным «счастьем», на других ему просто наплевать. Когда я пытаюсь оторвать людей от телевизора и заставить поговорить со мной, они ведут себя очень апатично: ну что ты хочешь нам рассказать, умник, давай попробуй нас удивить. Никто не понимает, что разговор внутри страны и сильные горизонтальные связи – это не менее важно, а может быть, даже более важно, чем все богатства земли, на которой вы живёте и с которых получаете ренту.

В той же Японии есть один замечательный обычай: взрослые дети приезжают в дом к своим пожилым родителям, садятся перед ними на пол, берут свои детские игрушки и затевают те игры, которые знакомы им с детства. Родители смотрят на них и вспоминают себя в молодости, когда они видели своих играющих детей и радовались каждому дню своей жизни. Нельзя сказать, что японцы очень беспечная и жизнерадостная нация, именно там появился термин «кароси», который означает смерть на фоне стресса и недоедания в результате длительных переработок и круглосуточной гонки за

благополучием своей семьи.

Если мы не хотим продолжать себя обманывать, то можем вспомнить, что весь Китай пашет семьдесят два часа в неделю, с 9:00 до 21:00 все шесть дней. Может быть, в этом результат их огромного рывка вперёд? Ведь до начала 90-х годов Китай представлял собой отсталую аграрную страну, в которой ничего особенного не производилось, а станки и оборудование зачастую поставлялись из СССР. Мы бы могли работать так же сильно и самоотверженно, если бы добавленная стоимость тех товаров и услуг, что производится в стране, распределялась более равномерно и справедливо, скажете вы, и будете правы.

Но это вы можете сказать мне в частной беседе, а когда вы начинаете разговаривать с государством, почему-то этих доводов совершенно не слышно. Вы продолжаете голосовать за госкапитализм, за монополию «Единой России», за престарелого отца народов и в этом маразме доходите до своего апогея, много раз переспрашивая меня: а кто, если не он? Думать, что во всей стране не найдётся ни одного здравомыслящего и ответственного политика – это обвинять Россию в ущербности, стать самым чудовищным шовинистом по отношению к своей собственной Родине и говорить, что мама твоя горбата и уродлива.

Когда я начинаю разговаривать с людьми до тридцати лет, спрашивать их, почему они не ходят на выборы, то в ответ слышу только выученную беспомощность. Когда я привожу

пример 2021 года с выборами в Госдуму, на которых я и почти три миллиона человек смогли протолкнуть новую партию в нижнюю палату парламента, мои молодые товарищи молчат, им нечего сказать. И я могу их даже оправдать, потому что единственным социальным лифтом в стране является силовой блок, нам не нужны врачи, инженеры и педагоги. Мы всех этих специалистов превратим в нищих, развратим и заставим голосовать так, как нужно для воспроизводства людей, умеющих выполнять приказы.

Когда старый адыгеец, мой товарищ по работе и по совестительству внук революционера Шахан-Гирея Хакурате, мне кричит своим громогласным старческим голосом, что нужна революция, что мягкой силой ничего не изменить, я вынужден с ним не согласиться.

– Ну как же так, Иван Сергеевич, ведь ты же понимаешь, что так дальше жить нельзя?!

– Понимаю, Барич Касимович, но революция в России возможна только в условиях войны и голода.

– А у нас нет войны?! У нас нет голода?! Тебя не унижает количество работающих нищих?! Ведь эти люди работают, они не бездельничают! Что они получают за свой труд?! Поход в магазин для бедных, в котором они вынуждены краснеть на кассе, отказываясь от каких-то продуктов, которые не помещаются в их бюджет?

– Посмотри, сколько стало машин, сколько строится нового жилья в мегаполисах, значит, деньги есть. Понятно, что

не у всех, очевидно, что распределение неравномерно, но я могу тебе точно сказать, что всем людям, которые вдруг оказались на улице без куска хлеба, обязательно помогут, они не умрут от голода.

– Они не умрут от голода, они умрут от стыда за свою страну, которая превратилась в нацию охранников и продавщиц, ведь мы же были впереди планеты всей, Иван Сергеевич, как ты этого не понимаешь, дорогой ты мой человек! Мы прошли тяжелые времена, старались думать всегда только о том, что уж ваше поколение будет жить лучше, будет достойным продолжением нашей жизни.

Что мне сказать старцу, нас разделяет полвека, о многих вещах мы с ним думаем по-разному. Я пожал его мощную морщинистую руку и пожелал всегда оставаться таким же сильным человеком. Мы расстались с ним в мае 2020 года, всех работников старшего возраста увозили по домам, на комбинате объявили карантин и тех, у кого тест показал положительный результат, отправили на обсервацию. Мой товарищ полетел в свою солнечную Адыгею и, скорее всего, оформил там пенсию. Надеюсь, он и по сей день живёт на улице, названной именем его прославленного деда, общаясь с внуками и правнуками.

Мне же до сих пор кажется идея революции абсолютно нереальной в России и антигуманной по сути.

Времена не выбирают,

В них живут и умирают.
Большей пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.

Александр Кушнер

Что же с русским миром? Как писала Татьяна Толстая, «идея и цель – замкнуть русский мир на самого себя, заткнуть все щели, дыры и поры, все форточки, из которых сквозит веселым ветром чужих культур, и оставить русских наедине друг с другом... Трагичность положения русских людей, которые думают и чувствуют похожим образом, – а нас довольно много, – в том, что от наших мнений и эмоций почти ничего не зависит: мы вольны думать все, что нам заблагорассудится, но жизнь разламывает наше общество, нашу страну, нашу историю и наше будущее совсем не по тем линиям, как нам бы хотелось».

Писательница утверждает, что грех русских прежде всего один – мы не любим ближнего своего. Здесь на её стороне, конечно же, вся русская литература и история, в том числе и принцип: интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека. Но именно с этих позиций мы можем начать спорить, не разделяя народ на «тяжелых» и «легких» русских. Давайте посмотрим, как существует это деление. Обломов является продуктом культуры, замкнутой на себе, в отличие от Штольца, который представляет собой

результат смешения культур. Мы видим, как Гончаров в конце романа решает оставить сына Обломова Андрюшу Ильича на воспитание у Штольца. Имя, данное отцом в честь своего друга, – дань уважения и любви к своему антиподу. Этот посыл должен быть прочитан нами как явный выход из этой дихотомии – нам нужно ответить на эту любовь и уважение, воспитывая сына Ильи Ильича в любви и уважении к окружающим его людям, его ближним.

Нам не нужно обращать внимание и спорить с теми, кто продолжает замыкаться на себе и пугает всех вокруг «русским медведем», их преобладающая численность не должна нас страшить, нам не следует предаваться унынию и верить скептикам, утверждающим, что ничего не изменить, у страны особый путь и таковость. Мы должны воспитывать Андрюшу Ильича, наше молодое поколение, в любви и уважении к окружающим людям, всем нашим близким и родным, несмотря на их взгляды и убеждения. Что значит полюбить идущие за нами поколения людей? Мы должны захотеть, чтобы они были лучше своих родителей, лучше нас с вами, лучше во всех смыслах этого слова.

Как мы будем воспитывать? Мы будем с ними честно разговаривать, учить их читать и обсуждать прочитанное. Да, мы будем с ними спорить, это неизбежно, но на базе взаимного уважения и без претензии на истинность в последней инстанции. А в конечном счёте мы должны их научить выбирать и учить тому, что выбор есть всегда, даже в тех ситуа-

циях, где он не очевиден или отсутствует как таковой. Мы не должны прикрываться авторитетами и определять себя, как бы то ни было, примеряя очередную идеологию, мы должны честно сказать всем гражданам нашей страны, что мы тоже её граждане и оценку всему нашему пути даст история.

Как любил повторять Томас Шеридан: «Плохая проповедь негативно влияет на саму религию». Точно так же и скучная, невыразительная лекция играет в минус для образования в целом. Когда преподаватель не может заронить в душу своих слушателей зерно сомнения, не заставляет их спорить и искать истину самим – он не даёт образования. Значение дискуссии и референса огромно в научной и литературной деятельности. Карл Маркс в своём «Капитале» спорит с Давидом Рикардо, а тот, в свою очередь, оппонирует Адаму Смиту. После осмысления идей Маркса Эдуард Бернштейн и Карл Каутский уже писали о необходимости их пересмотра в пользу социал-демократии. Карл Поппер вообще предлагает отказаться от принятия идеологий как безальтернативных догматов, приводя в пример успешные институциональные размышления Маркса и его совершенно провальный анализ борьбы классов на основе историзма. Культура дискуссии не только даёт толчок развитию науки и образования, она двигает всё общество в сторону конкуренции и транспарентности.

Может пройти значительное количество времени, мы, скорее всего, не увидим результата своего воспитания, но это

в любом случае не должно нас останавливать, дидактически и институционально время работает на нас. Конечно же, не исключено, что общество в целом может вернуться в Средневековье и новый феодализм, вполне возможен возврат к идеям социализма, мы не должны отбрасывать любую, даже самую малую вероятность того, что грабли не будут убраны и мы будем наступать на одни и те же вновь и вновь.

Самое главное в движении вперед – это не идеи, а ценности, которые большинством конвертируются в потребности. Если в обществе превалируют потребности низшего порядка (физиологические и потребность в безопасности), то запроса на горизонтальные связи, которые могут преобразовываться в потребности более высокого порядка (уважение и принадлежность к общности), не возникает. С другой стороны, читаем Лао-Цзы: «Управляя страной, совершенно мудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки полными. Его управление ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать. Осуществление не деяния всегда приносит спокойствие».

Говоря о том, что время на нашей стороне, стоит просто вспомнить о прогрессе, который является ничем иным как эволюцией нашего вида. Может ли кто-нибудь остановить снижение количества автократий в мире? А ведь оно продолжалось на протяжении всего XX века, и ответ, скорее все-

го, будет отрицательный. Точно так же, как луддиты не смогли остановить развитие станкостроения в промышленности, мы не сможем остановить всё более широкое использование социальных сетей в передаче информации. Телевизор, который, как считалось в одном фильме, заменит собой всё, уже сейчас сдаёт позиции интернету и социальным сетям. Те, кто смотрел телевизор и получал от него все свои знания о жизни, постепенно уйдут.

Конечно же, государство заводит свои аккаунты и в социальных сетях, оно пытается влиять на граждан через интернет ничуть не меньше, чем через телевизор, однако преимущество телевидения было в том, что его было проще контролировать. Транслировать одну точку зрения через несколько каналов связи намного проще, чем заткнуть рот тысячам телеграм-каналов, сотням блогеров и десяткам интернет-СМИ. А самое важное отличие состоит в том, что в интернете ты можешь выбрать кого слушать, и, если вдруг источник начал «фонить», ты от него отпишешься, и вся любовь. С телевизором так не прокатит, ты не можешь от него отписаться, он, как объект материального мира, присутствует в твоём доме, его можно не включать, но тогда зачем он тебе?

Когда мы открываем учебники и книги, то видим, что история человечества – это не просто набор каких-то фактов. Человек, как актер, привносит цель и смысл в историю и окружающий нас мир. Люди не одинаковы, но мы можем ре-

шить, что нужно бороться за равные права. Общественные институты не всегда работают эффективно и рационально, но только мы можем выбрать (или не выбрать) то, как они будут функционировать. Мы сами и наш язык общения более эмоциональны, чем рациональны, но мы можем стараться говорить правильно, не применяя ненормативную лексику, использовать язык для коммуникации, чем для выражения своих чувств (оставляя эту работу поэтам и писателям). История политической власти не всегда имеет смысл и прямую зависимость от желаний электората, но в наших силах бороться за открытое общество, в котором будут учтены потребности его граждан. Факты сами по себе не имеют никакого смысла, придать им этот смысл могут только наши решения, которые формируются в результате выбора.

В одной стране (сами догадаетесь какой) нужно постоянно, на каждом шагу принимать решения, ты чувствуешь себя взрослым круглые сутки, в другой стране (тоже выберете по вкусу) ты абсолютно ничего не решаешь, там тебя постоянно ведут по алгоритму – ты как маленький ребенок держишься вниманием за схему, по которой бежишь в течение всего дня. Мы можем выбрать себе сами страну, какую хотим, но выбор должен быть сделан, а не отдан на откуп популистам и манипуляторам от политики.

Механизм того, как мы можем сами делать свой выбор, очень наглядно демонстрируется в деятельности какого-нибудь СНТ. Сидят взрослые люди в общем чате мессенджера,

человек так триста, какие-то вопросы решают, обсуждают, что и когда посадить, погоду и дорогу, график подачи воды. Вдруг выясняется, что старенький председатель СНТ больше не хочет решать организационные вопросы, и назначают «выборы» на общем собрании садоводов. Правлением выдвигается «свой» кандидат, и дело вроде бы уже решено, но тут вклинивается альтернатива, я у них спрашиваю: «А почему вы не даёте другим активным членам проявить себя? Давайте выявим других кандидатов, организуем между ними соревнование и уж тогда будем принимать решение». Что тут началось! Да вы хотите развалить СНТ, да кому это нужно, почему вы решаете за кого-то и так далее. Я не остановился, начал собирать подписи за двух альтернативных кандидатов, которые выразили желание стать председателем, мы разговаривали подолгу с каждым членом общества. Это была долгая и кропотливая работа, в результате которой победил кандидат от правления СНТ. Вы спросите: ну и зачем ты это делал? А я вам отвечу, что правление после этих выборов стало публиковать отчёты, оно стало проводить опросы, и мы получили то, чего не было никогда: провели хорошую и ровную дорогу по всему СНТ, заменили полностью всю старую электропроводку, вся система летнего водопровода была отремонтирована и приведена в порядок.

Да, мы всегда недооцениваем идеи как часть мировоззрения, ведь они не входят в наше повседневное сознание, хотя мотивация каждого из нас всегда отстраивается в зависимо-

сти от того, как именно мы воспринимаем мир вокруг нас и людей, с которыми мы взаимодействуем. Точно так же мы недооцениваем принципиальное упрощение идей как форму анализа, зачастую связанную с выделением отдельных элементов и построением из них выводов, уже не имеющих ничего общего с первоначальной идеей. Созидание, как и любое творчество в жизни, всегда имеет форму синтеза, который усложняет, дополняет отдельно взятыми элементами уже сложившуюся картину.

Не нужно быть историком, чтобы понять, до каких простых лозунгов видоизменил В. И. Ленин идеи, взятые у Карла Маркса. Точно так же не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как легко и просто перенести идею Чарльза Дарвина о естественном отборе с мира животных на мир людей. Можно сколько угодно переписывать идею Ницше о сверхчеловеке и фотографировать Гитлера с бюстом философа, чем, собственно, и занималась его младшая сестра Элизабет, но ничего общего с нацистской идеологией книги Фридриха иметь всё равно не будут. Это искажение, как и любое выхваченное из контекста высказывание, формирует у людей упрощенное восприятие сложных идей, которые сами по себе никогда не были ими до конца осознанны.

В информационном поле, где анонимная и ничем не подтвержденная новость разлетается за секунды по всему миру, стоимость высказывания упала так низко, что ни авторитет, ни все заслуги личности уже больше не представляют

никакой ценности. В мире, где каждый может быть поверхностным «психологом», «политологом», «писателем», «артистом» и вообще кем хочешь, ресурс жизни многим кажется полностью исчерпанным. У человека не остаётся никаких шансов быть услышанным, и тогда он использует ресурс смерти.

Я не буду приводить примеры из всем известных колумбайнов современной России, они хорошо описаны в СМИ и не нуждаются в моём рассмотрении. Я расскажу об одной попытке суицида, которую наблюдал лично. Однажды мне позвонил мой друг Василий и истеричным голосом выпалил в трубку, что собирается вскрыть себе вены. Жил он неподалёку от меня, хватило всего пары минут добежать до его квартиры и войти в незапертую дверь. Я увидел следы крови на полу и поспешил найти моего товарища: он сидел в углу спальни с иссечёнными поперёк руками, в совершенно невменяемом состоянии и с бледным лицом. Очень быстро перевязав ему руки взятым в ванной полотенцем, я набрал номер скорой помощи и сообщил оператору адрес. Конечно же, это была показушная попытка, никто не собирался умирать, но сам факт того, что ресурс жизни на какое-то время человеку показался ничтожным, говорит о многом. Надо сказать, что сейчас Василий живёт себе припеваючи в славном городе Геленджике, имеет работу и приличный дом. Но когда я застал его с опущенными руками на полу квартиры, дела обстояли совсем по-другому: его, не без оснований, по-

ставили на учёт в психдиспансере, что автоматически стигматизирует человека в профессиональной сфере и в обществе в целом. Имея на руках желтую карточку, ты никогда не получишь право управлять транспортным средством и занимать какие бы то ни было должности в государственной системе управления. Там, конечно, совпала по времени история неразделенной любви, но не это было главным: сильнейшей по степени воздействия на человека является потребность в самоактуализации.

Когда мы не хотим решать проблемы собственной актуальности, у нас зачастую возникает желание сбежать от них, в лучшем случае отложить их в какой-нибудь очень долгий ящик. Это бегство может быть как физическим, так и вполне себе виртуальным, например при помощи алкоголя. Вот случай опять-таки из моей жизни. Обитал я тогда в каких-то бараках на окраине города, в съёмной квартире. Не сказать, что это как-то ухудшало мои представления о самом себе, но жильцы дома представляли собой людей, явно стремящихся к побегу. Квартира на втором этаже была с неплотно закрывающейся дверью, поэтому, когда я почувствовал запах гари, мне стало ясно, что начался пожар. Я намочил два полотенца, одним обмотал голову, а вторым обернул руку на случай соприкосновения с горящими предметами. Открыв дверь, я увидел разделённый надвое коридор: густой дым заполнил верхнюю его часть, в нижней части оставалась достаточно большая прослойка воздуха, которым можно было дышать.

Мне удалось быстро добраться до лестницы, ведущей на первый этаж, но когда я спустился, то увидел, что коридор, ведущий к выходу, полностью заполнен дымом. Люди выбегали на улицу, зажмурившись и стараясь не дышать едкой и ужасной на вкус гарью, мне же пришла в голову мысль найти источник возгорания. Я дополз до открытой двери квартиры, из которой клубами валил дым, включил фонарик на телефоне и постарался разглядеть, что происходит внутри. Возле дальней от двери стены стоял диван, на который, по всей видимости, хозяйка опрокинула включенную плитку. Прибор продолжал чадить, испускать весь этот тяжелый смрад. Сама женщина лежала на полу лицом вверх, неподалеку от дивана.

Я не стал пытаться выключить плитку. Намоченным полотенцем, которое было у меня на руке, обмотал голову женщины и начал волоком тащить её к двери. Когда мы оказались за пределами квартиры, я закрыл дверь и поднял пострадавшую на руки – так мне было проще двигаться по направлению к выходу. Выскочив со своей ношей на улицу, я, к своему огромному удовлетворению, увидел машину скорой помощи и поспешил сдать жертву побега врачам. Чтобы соединить это бегство от действительности с идеей перехода людей от ресурса жизни к ресурсу смерти, нам нужно ещё раз вернуться к Фридриху Ницше, который и ввёл для этого понятие ресентимента.

Именно чувство слабости или неполноценности, а также зависть по отношению к «врагу» приводят к формирова-

нию системы ценностей, которая отрицает систему ценностей «врага». Именно Адольф Гитлер, а не Фридрих Ницше создал в умах немцев образ врага, который избавил их от чувства вины после Первой мировой войны. Наверное, не нужно объяснять, почему это сработало. Зачем читать труды своих учёных, философов и писателей? Совершенно не нужно искать правду и бороться за альтернативное мнение, не нужно сомневаться ни в чём, достаточно повернуть ручку радиоприёмника, и голос пламенного оратора расскажет тебе всё о твоих врагах.

Чем проще и доступнее представлен образ врага, тем быстрее до людей можно донести искажённую мысль. Зачастую этот «враг» может быть и внутренним – твой начальник, твой участковый, зажавшиеся депутаты и так далее. Хотя никто из них осознанно не собирался сегодня утром громить нашу квартиру, наш двор и наш город. Всё это сделали мы с вами, только мы с вами можем дойти до края в своём бегстве от самих себя. Только жёсткое и последовательное исправление самих себя может привести нас к мысли, что нужно чистить зубы каждый день, убираться в квартире, следить за порядком во дворе, ходить на выборы и требовать от власти то, что она пообещала.

Давайте обсудим, как синтез и анализ работают в речах политиков и что конкретно даёт преимущество в удачной конструкции, а что неизбежно обречено на провал. За основу возьмём речь «Что такое Советская власть?» В. И. Лени-

на, Геттисбергскую речь Авраама Линкольна, а также речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта». В качестве синтеза каждый из ораторов предложил **свою** идею, объединявшую людей, к которым он обращался. Ни в одной из речей не было отрицательных конструкций типа «Россия без царя», точно так же, как и номинальных популизмов «Россия будет свободной», «Мы здесь власть» и так далее. Каждый великий оратор через анализ смог обозначить противостояние и суть конфликта, то, чего на самом деле и ждут от ведущего за собой народы: бедные против богатых, свобода против рабства и чёрные против белых. Но никто из них не предлагает выбирать чью-либо сторону, не произносит с трибуны вопросы-сомнения: «Да или нет?», «Мы стоим или расходимся?», «Давайте бороться не за власть, а за право выбирать?» Эта чудовищная развилка обречена на провал, спикер, забивающий клин между сторонами конфликта, загоняет себя самого в политический гроб.

Если послушать голоса российской оппозиции на митингах, разобрать без эмоций то, что она произносит, то можно понять, что речь постоянно идёт о каких-то частностях, случившихся вчера или несколько дней назад. Попытка отреагировать на то, что случилось сию минуту, ослабляет выступающих и безвозвратно убирает их на полку неудачников, о которых на следующий же день уже никто не вспомнит. Одновременно с этим даже самый прямолинейный ход власти воспринимается как сила и способность на деле доказать кто

есть кто. Она упрощает и обесценивает своих оппонентов, постоянно игнорируя прямые дебаты, отдавая эту роль своим представителям и тем самым показывая, что разговаривать с неудачниками ниже их достоинства.

Каждая из речей великих ораторов прошлого демонстрирует идею, от которой нельзя просто отмахнуться или на время отложить. Понятно, что произносится эта речь в текущем историческом моменте, но спикер не просто обращается к собравшимся вокруг него людям, он обращается ко всему миру, его голосом говорит история всего человечества. Только с такой высоты можно достичь желаемого, без мотивации изменить ход событий на всем земном шаре невозможно повлиять на судьбу своей страны. Это хорошо понимал большевик Ленин, который грезил о мировой пролетарской революции. Об этом прямо и безапелляционно говорил президент Линкольн, призывая сохранить на земле правление народа через народ и для народа. С той же высоты выступал проповедник Кинг, говоря о том, что все люди на земле созданы равными.

Чтобы двигаться дальше, нужно понять, что вообще представляет собой либеральная идея и почему российская оппозиция не может заразить этой идеей даже отдельно взятую Москву, не говоря уже обо всей остальной стране. Какие необходимы условия для развития либеральной демократии, что мешает пользоваться этим инструментом на самом низовом уровне (приводился пример с альтернативными выбора-

ми в СНГ)? Понимание этой идеи без поправок на какие-либо текущие события и политические пристрастия даст нам право судить о её жизнеспособности как в России, так и во всём остальном мире на перспективу.

Мы уже говорили об инфантильности и патернализме русского народа, говорили о том, что китайский народ как дети являют собой более старшую группу, им уже лет тринадцать-четырнадцать. Они уже понимают, что были не правы на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, им объяснили, что Китай мог развалиться на части точно так же, как развалился Советский союз. Точно так же мне объяснили, что свободой выбора я один могу развалить целое СНГ из трёхсот домо-владений. Китайцы поняли, что Китай у них один и другого Китая у них уже не будет. Русским, как и мне, в сущности, бесполезно объяснять, что Россия у нас одна и другой России у нас уже не будет. Почему? Потому что ключи от дома у папы, а нам всем по семь-восемь лет, и, если вдруг нам хочется спалить чердак или нагадить в подвале, то мы это сделаем, безо всяких проблем. Ну отругает нас папа, ну и что? Мы взяли свои игрушки и сбежали к соседям.

С другой стороны, папа тоже не дурак, он понимает, что, если дети вырастут и заберут у него ключи, он им уже будет не нужен. Поэтому из дома намеренно выгоняются хорошо образованные, активные и талантливые дети, они слишком быстро растут, и зазевавшийся отец в какой-то момент может упустить контроль за ключами, и эти чудо-детки смо-

гут вытащить их у него из кармана. Что происходит дальше? Надо всех детей позакрывать в комнатах, и для этого отменяются выборы губернаторов, формально они, конечно же, проходят, но папа заранее назначает нужных ему людей. Уже сидящим по комнатам детям надо сказать, чтобы не лазили где попало, а сидели смирно на своих стульчиках или кроватях – отменяются выборы глав городов, их теперь назначает команда губернатора. Таким нехитрым способом добывается стабильность в государстве.

«Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора», – Астольф де Кюстин из книги «Россия в 1839 году». Глупо, конечно, вышло, два дня назад мне показалось, что я придумал какую-то оригинальную конструкцию, но француз меня опередил больше чем на сто восемьдесят лет. Хочется только добавить к его тезису о том, что «богатые здесь не сограждане бедных», следующее: мы вообще не граждане России, нашу страну представляет собой только один человек – отец народов. Почему? Потому что мы не управляем нашей страной – так было двести лет назад, так есть и сейчас, так будет всегда до тех пор, пока не произойдёт перелом, который невозможен без определенных условий. Мы можем сколько угодно ходить на площадь – что в 1825 году, что в 2025 – это не имеет никакого смысла и губительно для всех.

В чём же ключ сегодня, спросите вы? Число предпринимателей в России в десять раз меньше, чем бюджетников.

Человек, работающий на государство, в принципе не должен думать о каких-то ключах. То, что любой гражданин начинается с уплаты налогов, ему бесполезно объяснять, он не достаёт из своего кармана деньги и не идёт в налоговую, за него всё платит работодатель. В магазине никто не видит двойных ценников: вот эта цена с НДС, вот эта без НДС. Мало кто понимает, как формируется цена на бензин. Почему у предпринимателей ставка налога ниже, чем у людей, работающих по найму, тоже почти загадка. Пока человек не получил хоть раз доход со своей деятельности, организованной им самим, и не заплатил с неё налог, разговаривать о чём бы то ни было не имеет абсолютно никакого смысла, потому что ключи останутся у папы.

Когда количество требующих за свои налоги определенного набора социальных благ станет более серьёзным, тогда будет меняться и правовая среда, и отношение власти к людям, и отношение людей к самим себе. Государство действует ровно так, как граждане позволяют ему действовать. Это ни хорошо, ни плохо, это просто факт. Напомню ещё раз о примере с выбором председателя в СНТ: правление бездействовало ровно такое количество времени, которое ему позволяли бездействовать триста домовладений. Как только правление усвоило урок, что они наёмные работники и выполняют работу, за которую получают деньги, и могут быть в любой момент заменены на более эффективных менеджеров, – тут же появилась отчётность, тут же зашевелился каз-

начей, собирающий взносы, тут же у электрика появилось желание заменить кабель, и водопроводчик определился с количеством труб под ремонт. Всё случилось как будто по мановению волшебной палочки.

А назначили бы они безо всяких выборов своего председателя, и все молчали бы дальше в тряпочку, никто бы не ударил пальцем о палец. Правлению это зачем? Когда нам нужно толочь воду в ступе и быть оппортунистами и конформистами – равных нам в этом деле не сыскать на всём белом свете. Только частная инициатива, только личная заинтересованность в результате даёт так всеми желаемую эффективность и производительность. Не нужно смотреть из космоса на Северную и Южную Корею, не нужно изучать экономическое чудо имени Ли Куан Ю в Сингапуре. Достаточно просто помнить собственную историю: нет частной инициативы – есть голод в Поволжье и Казахстане в период 1921–1922 годов, ввели частную инициативу в виде НЭПа – голод исчез, и к 1925 году хлеба в стране было уже полно. Свернули НЭП, раскулачили частных собственников – получили голод 1932–1933 годов. Откуда вообще взялись наши дачи, эти пресловутые шесть соток? В 1934 году ЦК ВКП(б) в рамках борьбы с голодом разрешил обзаводиться индивидуальными огородами.

Жизнь, права и свобода каждого человека провозглашаются наивысшими ценностями либерализма. Что это значит для тех, кто хочет понять либеральную идею без её приобре-

тенной в нашей стране отрицательной оценки? Наша жизнь, она чего-то стоит, мы не должны жить всю свою жизнь с одним человеком в телевизоре. Да, может быть, он в тысячу раз умнее нас, может быть, он круче наших родителей решает проблемы, вполне возможно, в пору своей молодости он нравился миллионам женщин, которые жили и старели вместе с ним, но у нас всего лишь одна жизнь, и мы не имеем права потратить её на реализацию идей человека, с которым нас связывает только бездушный экран. Почему мы не можем потратить нашу жизнь на реализацию наших собственных идей? Почему государство обязательно должно заходить к нам в дом, говорить, что делать и запрещать нам тратить одну единственную жизнь на себя самих? Почему жизнь человека вообще не значит ничего, и военный может прийти в детский сад и сказать тем, кому нет и семи лет, что умирать не страшно? Откуда у этих людей возьмётся ресурс жизни, если с молодых ногтей им внушается, что за Родину можно только умереть? А как же жить за Родину?

Каждая конституция в государстве утверждает права человека, есть Всеобщая декларация ООН, но как мы понимаем эти самые права в нашей повседневной жизни? Это тот самый случай, когда форма не должна преобладать над содержанием. По сути своей, права человека – это реализованная возможность быть кем-то или делать что-то, не подвергаясь наказанию государственными органами власти. Как иногда говорят юристы и правозащитники, можно совершить любое

преступление, только будь добр понести за него ответственность. Мы не должны врать самим себе – всё, что не относится к реализованной возможности, носит характер обмана и никак не работает в жизни. Как примеры можно привести цензуру, которая запрещена Конституцией РФ, однако имеется повсеместно на всех федеральных СМИ, а также право на жильё, которое было закреплено Конституцией СССР, однако купить его никто не мог, поскольку оно принадлежало государству. А может быть, нам нужна цензура, спросят некоторые граждане, может быть, и хорошо, что всё жильё было государственным, ведь оно выдавалось бесплатно. Все эти доводы разбиваются о частный интерес, ведь если ты строишь для себя, то и жильё у тебя будет таким, каким его хочешь видеть ты, а не государство. Если цензура в стране остаётся в том или ином виде, то нет никаких оснований полагать, что вы узнаете правду, от вас её будут скрывать так же, как скрывали текст Всеобщей декларации прав человека в Советском Союзе.

Про свободу мы уже говорили при разборе гимна Украины, мы поняли, что украинцы за свободу должны положить душу и тело. А как трактует это слово официальная символика России? Гимн РФ прямо и безо всяких предисловий утверждает, что Отечество у нас уже свободное, именно в этом статусе оно у нас славится, то есть мы достигли этого состояния безо всяких усилий, жертв и ничего не отдав за него. Как понимает и трактует свободу наша Конституция?

В тексте очень много раз это слово употребляется в качестве прилагательного, но нигде не даётся толкование, которое, по сути, уходит в самую глубь языка, к его славянскому корню. Попробуем разобраться без ухода в этимологию. В статье 37 говорится о том, что труд свободен, каждый имеет право выбирать род деятельности и профессию, далее поясняется, что принудительный труд запрещён. Можем ли мы сделать вывод о том, что свобода – это противоположность рабства? А значит, раб не может выбирать род деятельности и профессию, он делает то, что ему говорят. Коренной параметр различия двух понятий – сама возможность выбора. Значит ли это, что мы можем трактовать выражение «труд свободен» как свободен выбор труда и далее везде по тексту: свобода выбора места жительства, свобода выбора убеждений и так далее? Но ведь для того, чтобы сделать выбор, нужно всё-таки проявить активность, это не бездеятельное существование.

«Осуществление не деяния всегда приносит спокойствие», – говорит Лао-Дзы, и мы опять должны здесь видеть, что «совершенно мудрый правитель стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать». Воспевая в Гимне страну свободной и повторяя это слово многократно в Основном законе, мы избавляемся от страстей и убираем своими руками имеющих знания, они не могут действовать, поскольку мы убеждаем их в своей непоколебимой правоте: «Страна уже свободная,

чего вам ещё нужно!» И далее – все ругательные эпитеты, которые выгоняют сомневающихся за пределы России. Однако правда состоит в том, что мы не можем управлять страной, мы никого не выбираем, а ключи у папы.

Каждый раз, когда я слышу лозунги оппозиции о парламентской республике, о свободных выборах, о сменяемости власти, мне хочется спросить: а что вы сделали для того, чтобы были созданы условия для этих замечательных социальных явлений? Человек, который получал зарплату у власти, начал работать на себя? Может быть, бюджетники вытребовали у своих работодателей обязанность платить налоги самим? Может быть, оппозиция открыла значительное количество частных предприятий, которые составили конкуренцию государственным? Пока ответы на эти вопросы отрицательные, либеральная идея в России не заработает.

Мы не будем разбирать подробно, почему не сработала коммунистическая идея в нашей стране, на эту тему написаны десятки томов как у нас, так и за рубежом. Обозначим генеральную линию любых социалистов, включая коммунистов, как борьбу с неравенством и поймём, что в ней нет ничего вредного, однако методы и радикально негативное отношение к частной собственности не позволяют даже в небольших масштабах построить работающую модель общества коммунизма. Деньги и собственность как стимулы для развития потребностей от базовых к высоким никуда не уйдут, взамен ничего предложено не было. С момен-

та прочтения книги «Капитал в XXI веке» Тома Пикетти ко мне пришло понимание, что наилучший способ преодоления неравенства – это эффективное перераспределение доходов от богатых к бедным путём государственного регулирования налогообложения с целью защитить самые бедные слои населения с детьми. В книге американских экономистов Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные» 2012 года авторы объясняют ценность институциональной экономики и дают очень подробный анализ факторов, влияющих на экономическое и социальное развитие общества.

Конечно же, бессмысленно пересказывать содержание этих книг, но общий посыл и вывод, который сделал лично я при прочтении этих фолиантов, таков: делать культ из какой-либо идеи – совершенно бессмысленное и даже опасное занятие, только взвешенный синтез положительных сторон либеральной (правой) и коммунистической (левой) идей может дать гармонию в развитии общества. Как левый, так и правый дискурс, доведённый до крайнего положения, может взорвать и ввергнуть общество в войну с самим собой. Чтобы этого не произошло, должны быть представлены обе эти идеи в парламенте страны, а также любые другие идеи, которые пользуются реальным спросом населения, причём представлены они должны быть таким образом, чтобы ни у одной из партий не было большинства и монополии на принятие решений. Только тогда ни одна из партий не сможет

сказать, что у них нет реальных рычагов управления и власти. Именно нахождением консенсуса и конкуренцией идей должно быть озабочено любое парламентское собрание, а не приведением в жизнь идей «гениального» политика и лидера страны.

Почему это так важно? Лидер может приходить и уходить, уважение к нему и численность его сторонников может меняться, но не должны уходить институты и отменяться предохранители, которые сдерживают узурпацию власти. Только тогда будет последовательное развитие открытого общества, наращение и усложнение его институтов, которые уже нельзя будет откинуть от источника питания без потери управляемости. Это история очень схожа с выпуском бумажных банкнот – чем дольше в обращении находится купюра, тем проще со временем её подделать и тем чаще появляются фальшивки высокого номинала. Если мы не усложняем защиту нашей валюты, не ставим заслон от фальшивомонетчиков, то мы будем вынуждены сталкиваться с большим количеством подделок.

У меня нет никаких иллюзий по поводу нашего общества, никакая книга и даже всё собрание книг Российской государственной библиотеки не решат ничего из того, что мы имеем на сегодняшний день. Мы будем продолжать двигаться в сторону ксенофобии, тоталитаризма и других крайне неприятных социальных явлений. Не потому, что мы такие плохие или книжки не читаем, а потому, что так складывается

уровень социального расслоения, потому что мы не перестанем в один момент быть теми, кто мы есть: рабами наших заблуждений, нашего ressentимента и нашей выученной беспомощности. У нас есть инструменты, которые могут позволить нам постепенно выходить из этого ужасного положения, но, как и любой инструмент, он требует от нас умения и желания им воспользоваться. Не нужно, наверное, рассказывать, как мы любим откладывать до последнего выполнение работы, а потом пытаемся шарашить кувалдой изо всех сил. Пользоваться инструментами надо каждый день, предпринимать попытки для изменения ситуации надо постоянно – как чистить зубы.

Перечисляя инструменты борьбы с теми проблемами, которые вызывают неравенство в обществе, я буду опираться на конкретные примеры из жизни. В деревне Новосёлы Красноярского края в дом к многодетной семье приходит инспекция из полиции по звонку от местных жителей. Цель визита – изъять пятерых детей (две девочки четырёх и десяти лет и трое мальчиков трёх, шести и шестнадцати лет) у матери, которой на момент прибытия сотрудников МВД не было на месте. Причинами изъятия стало ужасное состояние жилища, отсутствие одежды на младших детях и еды, которой можно было бы накормить семью. Местный телеканал выложил новость об этом происшествии на своей странице в социальной сети, набежали жители близлежащих городов, и вы наверняка представляете, что там началось. Я не

буду приводить никаких цитат, из которых смело можно составить рейтинг людоедства и невероятной, воинствующей ненависти. Никто не удосужился задать самим себе пять «почему» и хоть немного представить глубину проблемы. Претензии от женщин были к жилищу и старшим детям, которые не смогли убрать дом сами.

Порицание мужчин было более радикально и направлено больше на мать этих детей. Никто не сказал ни одного плохого слова о государстве, никто не усомнился в том, что органы социальной защиты не сработали, – все знают про пособия и то, что женщина их пропивает, точка. Уже через день, когда все высказались, комментарии закончились, именно так работает новостной информационный повод, никаких новых мыслей на этот счёт у жителей городов не осталось, как и собственно желания разобраться в том, почему это произошло летом. А начать нужно было с простого вопроса: почему все, кроме матери, были дома, а не в пришкольном или любом другом детском лагере? Почему женщина не работает, хотя в том же районе есть вакансии государственного детского сада и школы? Почему социальные службы не контролируют многодетную семью, которой выплачиваются пособия? И наконец, почему никто из администрации района не понёс ответственности за инцидент? Как только мы начнём задавать вопросы и требовать на них ответы, у нас исчезнет само желание высказывать критические замечания, которые никак не относятся к решению проблемы. Системный под-

ход как инструмент позволяет не только разобраться в чужих проблемах, но и в своём доме навести порядок.

Критическое мышление, как инструмент выхода из заблуждений, можно проиллюстрировать, обратившись к рейтингу стран по уровню минимальной заработной платы в 2022 году. Наша страна находится между Конго и Монголией – с суммой менее двухсот долларов в месяц. Можно сколько угодно сидеть в информационном пузыре своей собственной статистики и по ней наблюдать снижающийся уровень бедности, но в целом ситуация от этого не поменяется до тех пор, пока мы не будем проверять факты и подвергать сомнению любые цифры и данные. Сюда же можно отнести демонстративную неосведомлённость главы государства, который с бумажек читает о том, как у нас всё хорошо, а у них плохо. Существование успешного мира – это секрет, который нужно скрывать от людей, а как известно по первой из тридцати шести стратагем военной хитрости древнего Китая, «ясный день скрывает лучше, чем темная ночь». Для усыпления бдительности используется эффект естественности происходящего, лидер размеренно читает с листа, уделяя много внимания деталям и повторяя их.

Бороться с выученной беспомощностью намного сложнее, чем просто выйти из заблуждений, потому что это психологическая проблема. И решить её можно только желанием жить, а не сидеть в клетке. Нужно разрешить себе действовать, перестать терпеть существующую «нормальность», де-

лать выбор в пользу жизни каждый день и говорить «нет» всем тем, кто пытается нас вернуть в состояние инвариантной и безысходной действительности. Можно ли сделать это одномоментно и есть ли какой-то универсальный рецепт или инструмент? Скорее всего, нет, но если попытаться заглянуть в самих себя и понять, кто мы есть на самом деле, то вероятность открыться новому миру, который раньше был от нас сокрыт нашей собственной реактивностью, будет повышаться с каждым новым днём. Наша проактивная позиция будет с каждым новым достижением приносить нам уверенность в собственных силах и радость даже от самого маленького шага вперёд.

Для подтверждения тезиса опять приведу пример из жизни. На текущей работе в коллективе у меня были два очень стеснительных молодых человека, которые были отличными исполнителями и справлялись со своими обязанности вполне успешно. У обоих по вполне схожим чисто психологическим причинам имелось небольшое заикание, и это часто мешало им в общении. В разное время, но по одному и тому же сценарию я провёл с ними весьма незначительную для команды, но очень важную для них самих работу: каждому давалась возможность взять на себя рычаги управления коллективом и организовать процесс в качестве руководителя. Были даны определённые инструкции: что и в какой момент нужно делать, без всяких размытых фраз типа «за всё хорошее, против всего плохого». Что произошло с моими под-

опечными? Конечно же, они растерялись, не могли начать руководить и пытались всю работу делать сами. Когда я вышел на площадку, подвёл исполнителей к новоявленным руководителям и попросил повторить задание, дело вроде зашевелилось. Потом я начал интенсивнее поворачивать ручку включения проактивной позиции, напоминая о необходимости контроля за исполнением и формулировке новых задач. Каждый день я ходил за этими «лидерами» и возвращал в них чувство уверенности в себе, подливая похвалу и одобрения, когда у них действительно получалось вести дело самостоятельно.

Финальная стадия заключалась в отрыве их от моей поддержки и отправке в самостоятельное плавание: оба сходили на полмесяца в ночную смену, где руководили своей командой уже без возможности переспросить что-либо у меня. Когда эти молодые люди вернулись, я их буквально не узнал, от заикания не осталось и следа. Каждый из них брал трубку телефона в руку и твёрдым, абсолютно не дрожащим голосом отдавал указания подчиненным и уверенно вёл беседы с начальством, не стесняясь что-то спросить или промолчать. Переборов в себе неуверенность и избавившись от выученной беспомощности, они приобрели гармонию с самими собой и, что самое важное, сами себе понравились в этой своей новой жизни.

Зачем я всё это написал, спросит меня любопытный читатель, и тут я должен буду раскрыть все карты. Как и любого

человека, живущего на Земле, меня сформировали события и трудности, которые приходится преодолевать. В мире нет ни одного индивидуума как *tabula rasa* – если мы живём в обществе, то оно, несомненно, влияет на нас. Наше сознание определяет бытие настолько, насколько бытие, в свою очередь, определяет сознание. Если мы постоянно будем говорить самим себе, что субъектностью обладает только президент, что больше никто ничего не решает, то мы будем продолжать врать. Облекая свои мысли в этот текст, я передаю их дальше, тому, кто в данный момент его читает.

Другой вопрос – управление дискуссией в обществе, к которому я не имею никакой претензии. Для меня всё то, что я написал, это путь познания, моя собственная попытка разобраться в очень сложных вопросах. И защищая свою субъективную точку зрения на происходящее, могу сказать, что даже на своих близких я не хотел бы повлиять, потому что люблю их и не хочу власти над ними. Вспоминая первоисточники, мы должны всегда говорить о природе власти.

(Евангелие от Луки 4:6) И сказал Ему дьявол: Тебе дам власть над всеми царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее.

(6 сура Корана, 123 аят) До всякого пророка в каждом селении были поставлены главные грешники, чтобы они строили там козни. Однако они строят козни только против самих себя, но не ощущают этого.

Определяя власть предержавших как основных преступни-

ков в этом мире, мы не должны никоим образом сами стремиться к узурпации. Наоборот, общество должно стремиться к тому, чтобы власти не было ни у кого, либо чтобы она была максимально размазана по как можно большему количеству субъектов. Тогда люди будут относиться к ней как к вынужденному дежурству по классу, в рамках услуги для всех они, так уж и быть, вытрут с доски. А учителя человечества, так уж и быть, продолжат урок.

Власть – это преступление, и те злодеи, которые поставлены в управление над людьми, ни в чём и никогда не раскаются, у них не должно быть и зерна сомнений, иначе они не смогут осуществлять власть. У них есть право быть злодеями, и можно сколько угодно их осуждать, но дадим же злодеям шанс объяснить свою суть:

Те, кто готовы взяться за управление, должны быть готовы к тому, что их захотят умертвить. *(Наполеон)*

Любое государство есть угнетение. *(В. И. Ленин)*

Самое великое наслаждение для мужчины – это побеждать врагов, гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен. *(Чингисхан)*

Осуждать преступление бессмысленно, нужно пытаться всегда выявить его причины и мотивацию.

Исходя из появления в жизни любых существенных изменений, мы должны признать, что никакой абсолютной правды или истинного знания не существует, есть только толко-

вания в попытке установить на какое-то время непреложный догмат. Дальше появляются люди, которые опровергают этот, казалось бы, раз и навсегда установленный постулат, видоизменяют его, либо отказываются от него полностью и возводят на пьедестал новую нерушимую аксиому. Как пример: уверенность людей до изобретения автомобилей в том, что количество лошадей в городах будет увеличиваться и очень скоро все погрязнет в навозе.

Битва за пространство в XX веке закончилась, в XXI веке началась битва за время – теперь завоевывать нужно горизонты будущего. В этом ключе необходимо бороться за новые смыслы существования, а не за способы существования, потому что человек уже полностью освоил управление пространством и достиг в этом навыке пика. Если мы выберем вместе со всем миром смыслы, которые соответствуют нашему представлению о добре и зле, то, вполне возможно, эти цели и будут помогать нам идти вперёд к стране для счастья, к сценарию, в котором мы занимаем достойное место в мире.

С другой стороны, если мы понимаем страну как некую череду доказательств от исходной точки, то мы не можем отрицать государство как систему управления людьми с монополией на насилие и репрессии. Основным в построении любой системы является именно выбор этой исходной точки для отсчёта. Сама по себе эта точка отражает только желание жить в нашей любимой стране, желание растить **здесь** детей и воспитывать внуков. Никаких доказательств и ника-

кого знания здесь быть не может; если человек не выбирает эту точку отсчёта, то он может спокойно переехать, сделать свой выбор, который он считает правильным, и растить своих детей и воспитывать внуков в другой стране. Если мы сами выбрали **Россию**, то мы строим страну для себя и своих потомков и отвечаем перед могилами предков за все свои действия.

Дальше уже мы можем спорить, соглашаться и противоречить друг другу, занимать разные позиции и принимать или не принимать те или иные концепции. Отношение к лидеру страны, как мне кажется, глупо обсуждать, потому как он всего лишь производная отношения граждан России к самим себе. Изменится отношение к самим себе, значит, изменится и производная. Функцию президента может исполнять множество людей в открытом гражданском обществе и всегда один человек пожизненно в закрытом авторитарном обществе. Цель оставаться у власти до конца жизни уже достигнута, можете не сомневаться, об этом совсем недавно сказал его пресс-секретарь.

«Жизнь – это экспансия» – мысль, которая, по всей видимости, принадлежит академику А. Д. Сахарову. Если мы говорим про новые смыслы существования, то нам, конечно же, необходимо квалифицировать этот поиск как внутреннюю экспансию. Все идеологии, которые так или иначе дают нам готовый рецепт, не должны быть в обществе инструментом изменения отношения человека к человеку. После то-

го, как с нашего молчаливого согласия происходит насилие и репрессии по отношению к нам самим, мы уже не можем оставаться равнодушными свидетелями происходящего. Мы должны сказать своим близким людям, что никакое государственное действие не заставит нас изменить своё отношение к нам самим. В этом и будет заключаться наша гражданская позиция, которую нам совсем не обязательно кому бы то ни было доказывать.

Всё, что касается внешней экспансии, будет оставаться в зоне ответственности власти, на руках тех, кто принимает решения. Да, при получении повестки я поставлю в известность своего работодателя и поеду в военкомат. Я определил свою исходную точку ещё при переезде из Казахстана и, конечно же, не побегу из России. Но мне хочется сказать проповеднику из телевизора – я останусь человеком. Вполне возможно, они меня будут убеждать в том, что сейчас бомбят мой дом и уже лязгают гусеницы натовских танков, масово пересекая границы Белгородской области.

В информационном мире, когда каждый взрыв снаряда фиксируется и уже через секунды попадает в Сеть, мы легко поймём, где происходит война, а где – специальная военная операция. В тот самый момент, когда ВСУ или любая другая армия иностранного государства переступит границу Белгородской области, я первым приеду добровольцем защищать тот самый дом, о котором мне говорили эти замечательные люди из телевизора.

Сейчас я точно докажу вам важность мотивации и первостепенность причин поступков человека.

Почему, спросите вы, я поеду защищать Белгород? Потому что там моя мама живёт.